

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 11 МАРТ 1979

ЕДИНОДУШНАЯ, ТВЕРДАЯ ПОДДЕРЖКА НАРОДОМ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА НАШЕЙ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ — НАДЕЖНЫЙ ФУНДАМЕНТ ДЛЯ ДВИЖЕНИЯ ВПЕРЕД, ЗАЛОГ ТОГО, ЧТО НАМЕЧЕННЫЕ ПЛАНЫ БУДУТ ПРЕТВОРЕНЫ В ЖИЗНЬ. ОНИ БУДУТ ПРЕТВОРЕНЫ В ЖИЗНЬ ВОЛЕЙ ПАРТИИ, ТРУДОМ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ — И ВО ИМЯ ИХ БЛАГОПОЛУЧИЯ И СЧАСТЬЯ.

Л. И. БРЕЖНЕВ.

Из речи на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа Москвы.

Москва. 2 марта. Кремлевский Дворец съездов. Встреча избирателей Бауманского избирательного округа столицы с кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР Генеральным секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Леонидом Ильичом Брежневым.

Речь товарища Л. И. Брежнева, которую участники предвыборного собрания слушали с большим вниманием и неоднократно прерывали продолжительными аплодисментами, с глубоким интересом воспринята миллионами людей в нашей стране и во многих государствах мира: она транслировалась по Центральному телевидению и системам «Интервидение», «Орбита» и «Восток», по Всесоюзному радио.

Встреча избирателей с товарищем Л. И. Брежневым вылилась в мощную демонстрацию непоколебимого единства партии и народа, единодушной поддержки советскими людьми внутренней и внешней политики партии, горячего стремления выполнить решения XXV съезда КПСС, планы десятой пятилетки.

Фото А. ГОСТЕВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 11 (2696)

10 МАРТА 1979

Моника ВАРНЕНСКА,
польская писательница

Бойцы вьетнамских региональных вооруженных сил. Телефото ЮПИ — ТАСС

МЫ С ТОБОЙ, ВЬЕТНАМ!

Вьетнамская артиллерия наносит удары по китайским агрессорам.

Телефото ВИА — ТАСС

Вооруженная агрессия Китая против СРВ несет бедствия и страдания мирному населению. Вьетнамцы покидают родные места, временно оккупированные китайскими агрессорами.

Телефото АДН — ТАСС

Передо мной лежат газеты за минувшие дни и бюллетени с последними известиями из Вьетнама. Временами мне кажется, что это дурной сон, бессмысленный кошмар — снова война в стране, которая так бесконечно долго несла тяжкое бремя испытаний, где народ так жаждал мира!

Много раз в те тяжелые годы я бывала во Вьетнаме и написала о борьбе героического народа не одну книгу; большая их часть известна советским читателям. Вьетнам для меня не только страна, как бы заново пережитая во время очередной поездки. Это часть моей биографии литератора и журналиста, часть моей собственной жизни.

...Города Каобанг, Лангшон, Лаокай. Северные рубежи Вьетнама были сердцем народной борьбы против французских и японских колонизаторов. Здесь пребывали вожди революции, здесь находились базы вьетнамских патриотических сил. Я помню эти названия еще с тех лет, когда путешествие во Вьетнам для меня было возможным только в мечтах. Я читала об этих событиях репортажи писателя Войцеха Жукровского, побывавшего во Вьетнаме в те годы, и Мирослава Жулавского, который видел эту страну уже после завершения войны.

...Лангшон — первый город на вьетнамской земле после пограничной полосы на трассе, по которой стремительно мчался поезд из Пекина в Ханой. Я помню время, когда доброжелательная улыбка и дружественный жест приветливо провожали пассажиров этого поезда, покидающих китайскую территорию. Вскоре после подписания Женевских соглашений об Индокитае в 1954 году были проложены железнодорожные пути, по которым шли во Вьетнам первые транспорты — помощь от братских стран социализма. Кто мог тогда предполагать, что несколько десятилетий спустя маоисты станут препятствовать движению этих поездов!

Лаокай — это горы и изумительные джунгли. Я тогда писала об этих местах, пролегающих рядом с границей: «Не спеша мы ступали по подвесному мосту, соединяющему оба берега Красной реки. Тишина и спокойствие весеннего полдня...»

Нет покоя и нет тишины в этих местах: стоит неумолчный гул артиллерии, разрываются снаряды. Кошмар навис над землей, которую пытаются захватить китайские агрессоры.

Я смотрю на карту — масштабы наглого вторжения становятся все шире. Каобанг. Некогда здесь

шли ожесточенные бои вьетнамских патриотов с колониальной французской армией. Помню небольшое селение Пакбо. Как раз в этом горном уголке находится пещера, где в течение длительного времени пребывал президент Хо Ши Мин, нелегально вернувшийся на родину, чтобы возглавить народ в его борьбе за свободу.

Не дано было Вьетнаму в полной мере испытать покой на земле по окончании в 1954 году всенародной войны Сопротивления. Страна была поделена пополам. И в этом разделе крылась трагедия многих человеческих судеб и вместе с тем источник нового конфликта, еще более опасного, чем предыдущий. Атакованный американскими интервентами, вьетнамский народ снова взял в руки оружие. В те годы северные границы ДРВ были относительно самыми безопасными. Если и можно было в те годы говорить о каком-то сравнительно спокойном уголке Вьетнама, о тыле, куда эвакуированы фабрики и госпитали, где лечили раненых и возвращали здоровье исцеленным, то таким уголком были провинции Каобанг и Лаокай. Теперь здесь идет кровавая война, развязанная пекинскими провокаторами.

Помню, как я отправилась в Каобанг посмотреть места, связанные с памятью президента Хо Ши Мина, поздней весной 1970 года, вернувшись из Сайгона, в то время еще находившегося во власти Тхиеу. В городе Каобанг не было видно следов больших разрушений. Здесь редко появлялись неприятельские самолеты, и местная панорама больше напоминала давний Вьетнам мирных лет.

Теперь мирные деревеньки и селения в провинции Каобанг уничтожены китайской артиллерией, общественное имущество и имущество жителей разграблено, население, уцелевшее от расправы, уведено на территорию Китая. Жители северных приграничных провинций Вьетнама, где прежде, казалось бы, невозможно было ожидать опасности, ввергнуты в ужасающую бойню. Именно здесь, на каобангском направлении, сосредоточены особенно крупные силы агрессора.

Но вьетнамцы — отличные воины. В сообщении о ходе боев Вьетнамское информационное агентство указывает, что в ходе контрудара вьетнамских воинов только за пять дней с начала агрессии китайские войска потеряли здесь, на каобангском направлении, девять батальонов.

Пусть те, кто развязал эту преступную агрессию, помнят: на защиту независимости поднялся народ, для которого нет ничего дороже свободы. Пусть те, кто начал эту позорную авантюру, грозящую миру пожаром, помнят о том, что Вьетнам не одинок — он не был одинок в годы войны с американским империализмом и не одинок сегодня, когда вынужден снова взяться за оружие во имя защиты родины. Каждый день мы узнаем о новых подвигах вьетнамских патриотов, которые полны решимости защитить свою землю, и в нас растет надежда и глубокая убежденность, что Вьетнам победит. Всем, кто защищает сегодня эту землю, мы говорим: мы по-прежнему с вами, всегда с вами, наши сестры и братья!

Варшава. Агентство «Интерпресс».

ИРАН

ОБСТАНОВКА НОРМАЛИЗУЕТСЯ

Жизнь в Иране входит в свою обычную колею. Вернулись на работу сотни тысяч рабочих и служащих, открылись учреждения, деловые конторы, магазины и базары. Функционирует общественный транспорт, возобновились занятия в школах и высших учебных заведениях. День ото дня растут добыча нефти на промыслах и производство нефтепродуктов. Все это подтверждает, что новая власть встречает поддержку широких масс, проявляющих организованность и сознательность.

Если в иранской столице вопрос «кто кого» был решен практически в течение нескольких дней, то установление новой власти в провинции натолкнулось на сопротивление реакции. Так, ожесточенные схватки, вспыхнувшие в Тебризе, унесли несколько тысяч жизней. Верные временному правительству вооруженные отряды и воинские подразделения подавили реакционный мятеж прошахских элементов.

Положение в столице и в других городах страны полностью контролируется революционными отрядами и перешедшими на сторону народа военнослужащими. На многих площадях и улицах Тегерана с целью проверки документов и досмотра автомашин сооружены пропускные пункты. Эти меры вызваны тем, что агенты шахской охранки САВАК и полиции, прошахское офицерство не сложили оружия и периодически организуют вылазки, действуя по согласованному плану.

Началась чистка в государственном аппарате и в вооруженных силах. За совершенные перед народом преступления ожидают суда десятки шахских генералов, активных функционеров охранки, несколько бывших министров-казнокрадов и членов распущенного парламента.

Глава Временного правительства Ирана М. Базарган сообщил, что вопрос о государственном устройстве страны будет решен на всенародном референдуме. Намечается проведение всеобщих выборов, в которых смогут принять участие все политические партии.

Временное правительство приняло решение конфисковать все имущество династии Пехлеви. Главная часть шахского богатства сосредоточена в виде так называемого «благотворительного» Фонда Пехлеви, капиталы которого оцениваются в 22 миллиарда долларов. Шахская семья поместила за рубежом в виде инвестиций около 20 миллиардов долларов.

Несмотря на происки контрреволюционных элементов, пытающихся совершить акты саботажа на предприятиях и в государственных учреждениях, внести раскол в национально-патриотические организации, процесс нормализации экономической и политической жизни крепнет и развивается.

На снимке: вооруженный народ приветствует победу революции.

Фото ТАСС

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

«ЗАРАБАТЫВАЕМ СУЩУЮ ЕРУНДУ»

Неорганизованный (то есть не состоящий в профсоюзах и чаще всего не имеющий работы) водитель грузовика пытается силой пробить себе дорогу сквозь пикет забастовщиков, членов профсоюза шоферов. Этот снимок рождает в памяти сильные сцены из романа Т. Драйзера «Сестра Керри», страницы других произведений классиков — от Золя до Синклера.

Что может быть драматичнее ситуации в капиталистическом «раю», когда голодные поднимают руку на таких же голодных из-за того, что цены на товары первой необходимости растут, а зарплата все так же низка, когда у бастующих водителей единственная возможность добиться уступок у предпринимателей — это блокировать грузовиками заводы и торговые центры, склады и рынки, а у доведенных до отчаяния безработных шоферов шанс «разбогатеть» — лишь получив работу ценой предательства братьев по классу, став штрейкбрехерами.

Охватившая всю Англию забастовка 75 тысяч водителей грузовиков парализовала экономическую жизнь страны («Дейли миррор»: «Бастующие взяли нашу промышленность за глотку»). Не дождавшись одобрения забастовки со стороны профбоссов, трудящиеся поручили руководство общенациональной стачкой «шоп-стюардам» — профсоюзным активистам в низах, в небольших коллективах промышленных отраслей. Шоп-стюард Элберт Колдикотт, шофер контейнеровоза из Бирмингема, отражая мнение большинства бастующих водителей, сказал, что причиной стачки служат два обстоятельства: уязвимая тарифная политика премьер-министра и вступление Англии в Общий рынок. И статистика весьма красноречиво подтверждает эти слова: стоимость жизни за шесть лет с момента вступления Великобритании в ЕЭС повысилась на 35 процентов (по данным западной печати), англичанин зарабатывает ныне почти в два раза меньше своего коллеги на континенте. Неудивительно, что престиж правительства стремительно падает, а в стране только за первые девять месяцев 1978 года состоялось 1663 забастовки — при этом здесь не учитывались небольшие стихийные стачки, не оплачиваемые профсоюзными кассами. «Всегда утверждают, что англичане готовы бастовать из-за любой ерунды. Но никто не говорит, что мы в этой стране зарабатываем сущую ерунду»,— говорит Колдикотт.

Фото из журнала «Штерн»

НИКАРА

Лев КОСТАНЯН

Небольшая латиноамериканская страна, зажатая в самом центре западного полушария между Гондурасом на севере и Коста-Рикой на юге, Никарагуа находится сейчас в центре внимания мировой общественности. Напряженность здесь нарастает с каждым днем. Не сегодня-завтра должно решиться, устоит ли власть олигархии, поддерживаемая империалистическими силами, или победит народ и восторжествует демократия? Эти заметки — результат встреч с непосредственными участниками борьбы за демократию в Никарагуа, против ненавистной диктатуры фашистского типа, установившейся в этой стране более сорока лет назад. Но сначала обратимся к истокам этой борьбы...

Гаспар Гарсиа Лавиан со своими молодыми соратниками. Это его последний снимок.

Фото И. Свиридова

Патриоты готовятся к операции.

БОГАТСТВА, ОТНЯТЫЕ У НАРОДА

Империалисты не без оснований считают Никарагуа лакомым куском. Здесь есть нефть — предмет особых вожделений американских промышленников. В девственных лесах преобладают ценные породы красного дерева каоба. Земли отличаются плодородием. Рыбная ловля в реках, озерах и на побережье океанов легка и обильна. Но не только дары природы привлекают богатых чужеземцев с севера. Пришедшие «разделять и властвовать», они увидели в Никарагуа ту «командную высоту», с которой им легче удерживать контроль над всей зоной Карибского бассейна.

Алчного диктатора, который за крупные подачки продал бы им фактическую власть в стране, долго искать не пришлось. Анастасио Сомоса был фигурой для этих целей идеальной: жадный и честолюбивый, настойчивый и пронырливый. А главное, преданный. Его отправили учиться в США, там же он женился на очень богатой никарагуанке, путешествовавшей по белу свету. Домой он вернулся, уже заручившись поддержкой своих новых «друзей», что быстро позволило ему возглавить национальную гвардию. 21 февраля 1934 года Сомоса в сговоре с посольством США организовал убийство борца за независимость Никарагуа Аугусто Сандино, а вскоре после этого арестовал и выслал из страны главу правительства и провозгласил себя президентом.

С этого времени власть в Никарагуа принадлежит семейству Сомосы. Это же семейство владеет ныне более чем третью всех богатств страны—банками, транспортом, рыболовными судами, предприятиями, табачными, кофейными, хлопковыми плантациями. Такова была цена предательства.

ПРИСПЕШНИКИ СОМОСЫ

Народ не безмолвствовал. В 1956 году диктатор был убит од-

ГУА: БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ним из борцов сопротивления режиму, Ригоберто Лопесом Пересом. Но тот уже успел подготовить место для своих наследников. Нынешний президент как две капли воды похож на отца — и внешне и имя то же, Анастасио Сомоса, и военное образование он получил в США, в военной академии в Уэст-Пойнте, и аппетиты у него те же, и моральные качества на столь же низком уровне. Очевидцы говорят, что «Тачито» Сомоса говорит по-английски лучше, чем по-испански. Его жена Хоуп Портокарреро сохраняет американское гражданство. Его лучшие друзья и деловые партнеры живут в США. Он является крупным акционером «Ферст-Нэшнл сити-бэнк», у него, как известно многим, прочные связи в американском конгрессе и, разумеется, в Пентагоне. Утверждают, что американские друзья Сомосы вынудили президента США Картера в середине 1978 года, в момент, когда обстановка в Никарагуа накалялась и грозила политической гибелью диктатору, послать последнему письмо, в котором отмечались... заслуги Сомосы в «обеспечении прав человека» в его стране. И это после того, как в марте—апреле прошлого года, в дни всеобщей забастовки против диктаторского режима, Сомоса и его гвардейцы продемонстрировали образцы бесчеловечности: было убито 200 патриотов, а 500 брошены в тюрьмы.

Теперь предоставим слово одному из участников сопротивления режиму Сомосы — члену оппозиционной коалиции «Единый народ» Карлосу Чаморро: «Все диктаторские режимы на нашем континенте — это историческое продолжение американской интервенции. В течение сорока четырех лет семейство Сомосы представляет интересы США не только в Никарагуа, но и используется в качестве опорного пункта для подавления народов других стран Центральной Америки». В Никарагуа находятся американские военные специалисты и советники. Пентагон вооружил гвардию Сомосы,— продолжает К. Чаморро.— А когда под давлением мировой общественности США были вынуждены прекратить военную помощь кровавому диктатору, эту миссию взял на себя Израиль. Факты общеизвестны. В октябре американский еженедельник «Ньюсуик» сообщил, что израильские самолеты доставили никарагуанской диктатуре большую партию оружия — зенитные орудия, 500 автоматов типа «Узи», 500 ружей «Галил», патроны, снаряды, военные машины, патрульные катера. Несколько дней спустя один из нас держал в руках трофейный автомат израильского производства, захваченный сандинистами во время боев с президентскими гвардейцами».

«ДОБЛЕСТЬ» — СТРЕЛЯТЬ В БЕЗЗАЩИТНЫХ

Оружие, полученное из-за границы, Сомоса вложил в руки своей «национальной гвардии». Это еще одна опора режима, без которой он не смог бы просуществовать и дня. Это сила жестокая и, надо признать, мощная. До сентябрьских событий Сомоса держал под ружьем около 7 тысяч гвардейцев. Сейчас они участвуют в военных операциях, но большую «славу» снискали в преследовании беззащитных граждан, мародерстве, убийствах, открытых и тайных. На их совести гибель отца Карлоса — Педро Хоакина Чаморро, журналиста, директора оппозиционной газеты «Ла пренса». Его подстерегли средь бела дня на безлюдной улочке и расстреляли из тех же иностранных автоматов. Недавние признания бывшего шефа службы безопасности прямо уличают сына диктатора — майора гвардии Анастасио Сомосу Портокарреро как одного из прямых соучастников этого убийства.

Кто же такие пресловутые гвардейцы? В Никарагуа нет регулярной армии, как, например, в Чили или Аргентине. Гвардию в ее нынешнем виде создал Сомоса-старший и передал «по наследству» нынешнему диктатору. Она состоит из отъявленных головорезов, деклассированных, преступных элементов. Сомоса хорошо платит военным, окружает вниманием их семьи, открыл для них специальные магазины с товарами по сниженным ценам.

Сомосу поддерживает и правящая Либеральная националистическая партия, отражающая интересы латифундистов, аристократии и промышленников, связанных с империалистическими кругами США. Но эта поддержка сама по себе не смогла бы обеспечить власть палачу никарагуанского народа. Последние события это наглядно показывают, от Сомосы отступаются и его бывшие приверженцы. По разным причинам: и в силу очевидного банкротства режима и в силу экономического соперничества с не знающим пределов стяжательству диктатором. Но факт остается фактом: правящая партия понемногу разваливается, и Сомоса все более полагается лишь на силу штыков.

КАК СУЖАЕТСЯ «ШИРОКИЙ ФРОНТ»

Будь оппозиция монолитной, она, наверное, уже добилась бы успеха. Но беда в том, что она сама разъедается разногласиями и противоречиями. Сомосой недовольны все, но многие оппозиционеры либерально-буржуазного толка боятся, что в борьбе с диктатором могут победить левые силы, и всерьез воспринимают угрозу Сомосы, который запугивает так называемых демократов, что в случае его падения они станут жертвой «марксистов». На таких-то «оппозиционеров» и рассчитаны предложения посреднической комиссии, состоящей из представителей США, Доминиканской Республики и Гватемалы, пытающейся организовать «счастливую развязку» по сценарию Вашингтона.

Между тем идея некого референдума, который предлагали иностранные посредники, провалилась с самого начала. Сомоса сам решил не рисковать и отказался от плебисцита. Очевидно, он не сомневался, что проиграет. «Народ давно и в разных формах — устно, в печати, на митингах, в период забастовок, наконец, с оружием в руках и в открытом бою — проголосовал против диктатуры Сомосы»,— сказал нам Карлос Чаморро.

Идти или не идти на «компромисс» с Сомосой? — стало пробным камнем для легальной оппозиции. Она не проявила стойкости и единодушия. Оппозиционный фронт стал сужаться.

Более последовательно и с более четкой программой выступает другая оппозиционная коалиция — «Единый народ», в которую входит и Карлос Чаморро. Это движение самоопределяется как «политический союз революционных организаций, партий, организаций рабочего класса, прогрессивных женщин, трудовой интеллигенции и других прогрессивных кругов». Мы познакомились и с другом и соратником Карлоса — Франсиско Санчесом, студенческим лидером Никарагуа. «Процесс единения,— сказал он,— нарастает и продолжает развиваться».

Сейчас коалиция «Единый народ» ведет бескомпромиссную борьбу с Сомосой и сомосизмом. Представители этой организации объездили страны Центральной Америки, побывали в Мексике, Венесуэле и США. В результате движение солидарности с борьбой никарагуанского народа ширится и крепнет.

БРАТ, ДАЙ МНЕ РУКУ!

В эти же дни, презрев опасность, покинули охранявшие их стены посольства Мексики в Манагуа и вышли на улицу члены «Группы 12-ти» — оппозиционной группировки никарагуанских интеллигентов. Они распространили листовку, в которой призывают прогрессивную общественность крепить патриотический фронт борьбы против сомосизма. Никаких переговоров с Сомосой! Справедливость и демократия должны победить! — были их лозунги. «Народ требует от Соединенных Штатов полного прекращения как прямой, так и косвенной помощи режиму»,— говорится в обращении этой группы. Люди на улицах приветствовали патриотов песней «Брат, дай мне руку!», которую сочинили и всегда исполняют их соотечественники, известные далеко за пределами Никарагуа братья Луис и Карлос Мехиа Годой.

Эта песня звучит и в партизанских отрядах сандинистов. Это еще один фронт борьбы против Сомосы. Он называется Фронтом национального освобождения имени Сандино, возник в 1961 году, ведет настоящие боевые операции и никогда не был так близок к победе, как в августе 1978 года, когда отряд «Ригоберто Лопес Перес» захватил национальный дворец в Манагуа, более полутора тысяч пленных, в их числе 45 депутатов, министр и другие высокопоставленные чиновники. Сомосе удалось тогда почти чудом спастись. В течение сентября сандинисты вели открытые бои, они овладели шестью крупными городами страны.

Та битва закончилась неудачей для сандинистов. Но они не сложили оружия, ушли в леса, готовятся к новым сражениям, постоянно проводят военные операции в разных частях страны, ежечасно держат в напряжении гвардию Сомосы. А если выдаются минуты тишины, проводят занятия, учатся владеть трофейным оружием. Люди эти, по существу, мирные. Взяться за оружие их вынудило отчаяние. Вот что говорил мне один из бойцов: «Я на себе испытал боль ран моего народа, ощущал эксплуатацию, которой подвергаются крестьяне, задавленные сапогом землевладельцев, защищаемых национальной гвардией. Коррупция и репрессии останутся, пока Анастасио Сомоса сохраняет власть, поддерживаемую штыками. Против этого есть только одно средство — оружие».

Вместе с ними сражался испанский священник Гаспар Гарсиа Лавиан, считавший себя братом никарагуанских мучеников и патриотов. Фотопленка, на которой он был снят в лагере сандинистов, еще не была проявлена, когда стало известно о его гибели.

Других имен я не называю. Но хочется привести слова еще одного сандиниста, парня лет двадцати пяти: «Я стал солдатом, потому что надеюсь увидеть Никарагуа свободной страной, где уважаются человеческие права».

...В успех мирных переговоров с Сомосой они не верят. 45 лет назад отец нынешнего диктатора пригласил Сандино в Манагуа договориться о мире и убил его. Они не хотят, чтобы история повторилась, и борются за то, чтобы судьбу Никарагуа смог решать его собственный народ.

ПОДВИГ, ПОБЕДА, ПАМЯТЬ НАРОДА

Юрий ТЮРИН

Прошлое обладает волшебным даром воскресать.

Помню, вечером того победного майского дня мама привела меня, шестилетнего «выпускника» детского сада, на Красную площадь. Людскую круговерть высвечивали ослепительные белые искры праздничного фейерверка. Кинжально скрещивались поверх тысяч счастливых лиц голубовато-льдистые лучи дальнозорких прожекторов... Ликовала главная площадь страны. Плясали, пели, целовались. Кричали до хрипоты. Плакали. То были святые слезы всенародной радости.

Память ребенка — эта песчинка коллективной памяти современников — до сего дня удержала непередаваемо светлое впечатление праздника.

Сейчас победный майский вечер вернулся к нам в образе кинокадра. И вновь очутились мы наперекор законам физического времени посреди тысячеликого народного счастья.

Документальной киноэпопеей «Великая Отечественная» время повернуто вспять. Прошлое преображается в настоящее. Безвозвратно отошедшее оборачивается сиюминутным переживанием. Нашу личную память кинодокумент обращает в память народа...

Воскресает грандиозный парад Победы, когда по Красной площади торжественным маршем прошли представители доблестных наших фронтов, а поверженные штандарты вермахта с их бесчисленными орлами и свастиками образовали груду постыдного хлама. На последние приготовления к параду я смотрел из окна ныне уже не существующей гостиницы «Гранд-отель»,— на третьем этаже размещалась бухгалтерия, где работала моя мать.

И опять вернулось прошлое: кадры парада вмонтированы в фильм «Неизвестный солдат», заключающий двадцатисерийную киноэпопею «Великая Отечественная»...

Двадцать фильмов... Двадцать часов экранного времени.

Как известно, инициатива создания эпопеи принадлежала виднейшему советскому кинопублицисту Роману Кармену и американской телекомпании «Эйр тайм интернэшнл». По заказу компании кинематографисты Центральной студии документальных фильмов, ветераны войны и более молодые мастера подготовили эту серию, самую масштабную в практике нашей военной кинопублицистики.

Вначале она именовалась «Неизвестная война на Востоке». Наконец, совсем лаконично: «Неизвестная война». Ради парадокса?.. Когда бы так! Для многих западных зрителей подвиг нашего народа в борьбе против гитлеризма был да и остается тайной за семью печатями или искажается дымкой неверной исторической перспективы... Конечно, признавался в связи с выходом серии на американский экран критик Майкл Кернан, для тех, кто постарше, война в России не была «неизвестной»... «Сталинград,— пишет он,— обычно называли решающей битвой войны, благоприятный исход которой позволил осуществить вторжение союзников в Европу. Но и для людей старшего поколения этот фильм будет во многом откровением...» Майкл Кернан прав. Двадцать серий документальной эпопеи «Неизвестная война» («Великая Отечественная» — таково ее название в нашей стране) действительно явились откровением, особенно для тех, кто родился после 1945-го...

Перед моими глазами кадры, снятые в Париже режиссером Григорием Чухраем для сравнительно недавнего фильма «Память». На вопрос, почему одна из площадей Парижа носит имя Сталинграда, кто-то из молодых парижан отвечает: «А-а... это, кажется, в честь сражения, которое дал в России Наполеон»...

Подобное говорится о решающей битве второй мировой войны...

Авторы «Великой Отечественной» восстановили истину истории: только под таким углом зрения понимал задачу киноэпопеи Роман Кармен, предупреждая с первых шагов работы: «Выдать американцам серию фильмов о нашей войне — здесь нужен сквозной тематический философский стержень... Здесь нужен большой, широкий диалог с экрана. Это должен быть очень крупного калибра идеологический заряд с глубокими историческими раздумьями, обобщениями, философской и политической оценками. Нет, просто склеить старые фильмы в данном случае нельзя. Делать нужно по очень большому счету!»

Человеческая память, сопрягаясь с коллективной памятью народа, соотносит собственное знание исторической правды с той ее картиной, какую рисует память века. Именно такой высокой исторической правдой — а жить ей суждено вечно — является беспримерный подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны. Память человечества, спасенного нашими солдатами, обязана знать и хранить эту историческую правду во всей ее неискаженной полноте. К тому взыва-

ют двадцать миллионов погибших — неоплатная цена победы нашей страны над фашизмом.

Стремлением напомнить эту правду пронизан каждый кадр всех двадцати серий эпопеи.

Одним из первых, кто,— быть может, неожиданно для него самого — осознал величие ратного подвига нашего народа, был Берт Ланкастер, известный американский актер, привлеченный к работе над серией. Он приезжал в Советский Союз впервые... Ланкастеру поручалось предварить своеобразным вступительным словом каждый из двадцати фильмов; он же читает дикторский текст в американском варианте эпопеи (и, сразу скажем, справляется со своей задачей превосходно). Ланкастер, чьим «поводырем» был Роман Кармен, посетил немало памятных мест войны. «Я помню,— признавался актер позднее,— как в тишине белорусской деревушки Хатынь я слушал звон колоколов, как стоял у тщательно сохраняемых могил американцев и англичан в заполярном Мурманске, как двигались мы мимо изваянных на мраморе имен жертв ленинградской блокады на Пискаревском кладбище... Задумываясь о злодеяниях фашизма, я понял тогда особенно ясно, как важно, чтобы американский народ увидел эти двадцать часов неизвестной американцам войны на Востоке».

Лишний раз подчеркнем: неизвестной...

14 сентября прошлого года премьера киноэпопеи состоялась в Вашингтоне, в Национальном государственном архиве и в «Кеннеди-центре». Шли фильмы «Блокада Ленинграда» и «Неизвестный солдат». Характерна реакция знакомого нам уже критика Кернана: «Этот фильм («Блокада Ленинграда».— Ю. Т.) не может не трогать, а зачастую он даже ужасает. Мы видим голодающих детей, варящих обои, чтобы соскрести с них клей. Мы видим людей, распиливающих телеграфные столбы, ибо топливо означало жизнь во время этих 900 дней испытаний. Мы видим, как люди замертво падают на улице; видим, как люди, убирающие трупы, сами умирают. После страшной первой зимы немногим судам удалось пробиться по Ладоге, и мы видим, как маленькие дети, которых эвакуируют, бегут по пристани, перебирая маленькими ножками в чулочках и улыбаясь в камеру. А затем мы видим, как судно подвергается бомбежке, взлетает на воздух, тонет...»

Прошлое обладает даром воскресать.

Всю минувшую осень, каждым субботним вечером, «Неизвестная война» пронзительными кадрами врывалась на телеэкраны американских семей. Нью-Йорк и Бостон, Лос-Анджелес и Хьюстон, Сан-Франциско, Кливленд и другие крупнейшие американские города смотрели «сенсационную хронику»... Серию показывали и во многих зарубежных странах, включая ФРГ. «Неизвестная война» пройдет по экранам Соединенных Штатов второй волной.

«Неизвестная война»?.. Нет. Великая Отечественная...

Двадцать часов киноэпопеи — это спрессованные в двадцать фильмов почти четыре миллиона метров пленки, снятых фронтовыми операторами. Все долгие 1418 дней и ночей войны человек с киноаппаратом шел бок о бок с солдатом. Бесценные кадры фронтовой хроники, часть которой доселе оставалась невыявленной или забытой, ожили на экране в страстном показе величайшей битвы всемирной истории. К отечественным кинодокументам прибавились материалы зарубежных архивов. Война осмыслена не только с позиций ее непосредственных участников, но и с позиций нынешнего дня народов, кровно заинтересованных в окончательной ликвидации любых форм военной агрессии. Двадцать фильмов эпопеи — это ратная страда нашего народа, кровь и пот, горе миллионов людей и неизбывная вера в правоту борьбы. «Память об этой войне,— сказал в специально снятом киноинтервью Л. И. Брежнев,— это для нас призыв к бдительности в отношении замыслов любых новых происков агрессивных сил и, самое главное, призыв к неустанной последовательной борьбе за прочный мир...»

«22 июня 1941 года» — первая лента серии. Кадры майского праздничного салюта, триумфальный парад Победы, судебный процесс над главарями нацистского режима — в заключительном, двадцатом, фильме «Неизвестный солдат». А между этими историческими вехами, началом и завершением Великой Отечественной,— вся кинолетопись войны. Сражение за Москву, беспримерная оборона Ленинграда, военные действия в Арктике; подвиги наших партизан, наших летчиков и моряков; победа под Сталинградом; битва за Кавказ; танковые баталии на полях среднерусских земель; возникновение и укрепление военного сотрудничества антигитлеровской коалиции; освобождение Украины и Белоруссии; приход освободителей в Восточную Европу; падение Берлина; разгром японских самураев; безоговорочная капитуляция противника...

В конечном итоге здесь, на экране, зримо выраженная идея решающего вклада нашего оружия в исход второй мировой войны. Эпопея обращена к миллионам живых. К памяти ветеранов. К совести молодых. К пробуждающемуся сознанию тех, кто впервые соприкасается с опытом жизни. Короче, ко всем кино- и телезрителям.

Бывший командующий Северо-Западным фронтом генерал армии П. А. Курочкин — главный консультант серии — от лица старшего поколения сказал: «Для меня, как и для всех бывших фронтовиков, для всех ветеранов войны, эта киноэпопея имеет особое значение. Нам будет дано великое право вновь и вновь пройти по суровым военным дорогам, пережить вновь некогда пережитое, быть может, увидеть многих своих товарищей, которые сложили головы...»

В кадрах хроники — сотни и сотни солдатских лиц. Бесконечно усталые после тяжких переходов, мечтательно отрешенные, когда выпадала минута нацарапать письмо домой, стянутые ожиданием боя, улыбчивые на привале... Большинство из попавших в кинообъектив — безымянные ратники, рядовые труженики войны. Все они, даже те, кому суждено было погибнуть,— победители. Такими они были.

Зрителей западных стран поражает облик советского солдата: жестокость войны не сделала его бесчеловечным. Ведь, по верному слову поэта, солдат этот воевал ради жизни на земле. Фронтовой кинооператор жил тем же чувством.

В дни Великой Отечественной советский солдат был воином. С оружием в руках он защищал Родину. Он защищал и гуманизм.

Война против фашизма была глобальной. И авторы эпопеи правы в своем стремлении мыслить широко, обобщающими категориями. Наука войны, испытания несхожих стратегий, противостояния мировоззрений, политика, организация военной промышленности, дипломатия — все это важными составными вплетается в ткань огромного кинополотна. Видные действующие лица недавней истории возникают в социально-психологических кинопортретах и зарисовках и в случайно уцелевших киномгновениях. Они проходят через всю серию. Камера военного оператора — прилежный свидетель — запечатлевала окопы и резиденции, ад артобстрела и конвейер оружейного завода, планшетку взводного и оперативную карту генерала, бомбежку и руины европейских столиц, горечь нашего отступления и зверства фашистов, первый военный парад в заснеженной Москве и первый победный салют в 1943 году. Камера привела нас по фронтовым дорогам в Берлин. Она синтезировала это страшное явление «война», и она доказала, почему битва, которую вел наш народ с фашизмом, получила определение «Великой» и почему сразу же стала называться «Отечественной».

Новая киноэпопея вобрала весь опыт советского кинематографа о войне, в том числе документального.

Колоссальная конструкция «Великой Отечественной» выросла на прочном фундаменте фронтовых кинорепортажей и спецвыпусков, на классике военного времени, к примеру, таких фильмов, как «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», «Сталинград», «Битва за нашу Советскую Украину», «Берлин»... А опыт послевоенного документального кино! А волна так называемых авторских документально-публицистических лент! А фильмы последних десяти — пятнадцати лет, созданные теми, кто непосредственно вошел в творческий коллектив «Великой Отечественной»! Среди них режиссеры и сценаристы ЦСДФ Л. Кристи, И. Григорьев, Д. Фирсова, И. Гелейн, С. Пумпянская, К. Славин, С. Дробашенко и другие мастера документального экрана.

В общей сложности над серией трудились пятьсот человек, включая американских творческих работников и технический персонал компании «Эйр тайм». Кажется, был собран разномастный огромный коллектив, но ощущения разнобоя, эклектичности киноматериала не возникает. Эпический охват событий и лирическая деталь, гневный памфлет и саркастическая зарисовка выстраиваются в единый образно-публицистический ряд. Серия не рассыпается на фильмы-фрагменты благодаря тому, что четко выдержана идеологическая задача, ясно обозначена общая цель, авторская мысль не отклоняется от заданного курса.

Вспомним слова Романа Кармена: «Нет, просто склеить старые фильмы в данном случае нельзя»... Воля и талант мастера направили и объединили усилия всех участников творческого процесса. Оператор-солдат, Кармен знал войну не понаслышке: антифашист до мозга костей, он снимал боевые действия интербригад при защите республики в Испании. Снимал престарелую русскую женщину, осенившую крестом одетых в белые полушубки солдат, выбивших гитлеровцев из подмосковного Клина... Снимал сдачу Паулюса в Сталинграде. Первым показал миру чудовищную тайну нацизма, потрясенный «фабрикой смерти» — Майданеком... Кинокамера Кармена зафиксировала долгожданный миг подписания в Берлине акта капитуляции фашистской Германии.

Все эти кадры вновь предстали перед нами в фильмах «Великой Отечественной»...

Роман Кармен, пройдя путь от начинающего фоторепортера журнала «Огонек» до общепризнанного авторитета мировой кинопублицистики, по праву руководил созданием двадцатисерийной эпопеи.

«22 июня 1941 года» и «Неизвестный солдат» — фильмы, созданные непосредственно Карменом. Это действительно авторские ленты. Режиссер отобрал и смонтировал материал по своему сценарию, сам комментировал кинозображение. Выразительный глуховатый голос художника-гражданина берет за сердце.

Кармен не дожил до премьеры киноэпопеи. Смерть подстерегла его неожиданно, когда, завершив работу, он с нетерпением думал о зрительской судьбе «Великой Отечественной».

Не зря сравнивают фронтовых операторов с солдатами. «Почему нам порой удавалось снять войну, что называется, впритык? Да потому, что дорога оператора и солдата всегда была одна»,— подчеркивал Роман Кармен. Ошеломляюще достоверны, в частности, съемки упорнейших, кровопролитных боев на Курской дуге, особенно встречная танковая атака под Прохоровкой, этим Бородином Великой Отечественной. Казалось, художественный кинематограф своими средствами уже поведал все об этой битве; но вот на экране оживает хроника, кинодокументы — и по-особому постигаешь, какое же это было нечеловеческое испытание — встречный танковый бой (фильм «Величайшее танковое сражение»).

252 кинооператора фиксировали на пленку народную войну против фашизма, и каждый пятый из них не вернулся. Подвиг фронтовых операторов неоценим: они сохранили нам Великую Отечественную в зримых образах, в ее реальном состоянии, в ее накале и буднях.

Фильм «Неизвестный солдат» завершается поименным перечислением тех, кто «снимал войну впритык». Некоторые фамилии взяты в траурную рамку: В. Сущинский, М. Сухова, Н. Быков... Пятьдесят павших... Авторы киноэпопеи воздают должное своим боевым товарищам.

На премьере «Великой Отечественной» я увидел старейшину отечественной кинопублицистики Александра Медведкина: слезы блестели на глазах этого пожилого человека...

Двадцать часов киноэпопеи «Великая Отечественная» — это подвиг, победа, память народа.

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ХАМЗЫ ХАКИМЗАДЕ НИЯЗИ

НЕИСТОВЫЙ ХАМЗА

Да, именно неистовый! Так звали его друзья и ученики. Таким он был для своих врагов — непреклонным, неколебимым до неистовства в своих убеждениях и правоте. Человек-легенда, поэт, драматург, композитор, педагог, общественный деятель — Хамза Хакимзаде Ниязи столько вместил в свою короткую, но яркую, как вспышка молнии, удивительную жизнь, что кажется, он был всегда. И все-таки это сын своего времени, своей эпохи, своего народа. Он во всем был новатором, революционером.

Одним месяцем — мартом, одним временем года — весной началась и оборвалась его жизнь. 6 марта 1889 года — 18 марта 1929-го. Между двумя датами — сорок лет.

Чтобы увидеть эту весну в Ферганской долине, когда все вокруг расцветает, когда с гор сбегают звонкие ручьи и молодая жизнь наполняет древнюю землю, чтобы услышать людей, знавших поэта, проехал я от места рождения Хамзы до места его зверского убийства.

Но так получилось, что с Хамзой я встретился еще в самолете: из Москвы в Фергану летел на встречу со своими избирателями писатель Камиль Яшен, близко его знавший.

— Быть может, мы, земляки, немного виноваты в том, что имя Хамзы еще недостаточно широко известно в мире. Тот, кто не пережил силу кипучих страстей Хамзы, не познает до конца душу узбекского народа. Хамза неповторим, как всякий крупный талант,— говорит Камиль Яшен.— Хамза — это крылья узбекской литературы, узбекского искусства... Да, я знал его живым, мне посчастливилось видеть его и радостным, счастливым и грустным, ушедшим в свои думы. Однажды я видел, как плакал Хамза на репетиции своей пьесы, глядя на актрису Турсуной, творящую чудеса перевоплощения. Мы были тогда совсем юными, и один из нас наивно спросил: «Почему вы плачете, учитель?» Хамза, улыбаясь сквозь слезы, ответил: «Разве я плачу? Я радуюсь — исполнилась мечта моей жизни». А через несколько дней Турсуной, его любимая актриса, воплощавшая на сцене героинь его пьес, была убита врагами революции. И Хамза снова бросился в бой за новую жизнь, за счастье народа.

— Для узбеков Хамза то же, что для русских Маяковский,— сказал мне писатель Октам Усманов, с которым мы вместе ездили по республике.

А другой спутник добавил:

— А для нашего национального театра он и Горький и Станиславский.

Театральная труппа, созданная им в Фергане в 1918 году, положила начало узбекскому советскому театру. Как настоящий поэт и гражданин, Хамза остро чувствовал время — он с радостью воспринял революцию, разглядев в ней будущее своего народа. Свое будущее.

Родился он в Коканде, древнейшем из городов Средней Азии, бывшем центре Кокандского ханства. «Так как отец был человеком образованным,— пишет Хамза в автобиографии,— то уже в 1898 году я полностью овладел грамотой по-узбекски и по-персидски...» Средняя Азия была в то время одной из самых отсталых окраин царской империи. Много раз убеждался в этом Хамза, но особенно грубо невежество и отсталость обычаев ворвались в его жизнь, когда он полюбил русскую девушку и задумал на ней жениться. Его отговаривали, убеждали, что это противоречит законам мусульманства, грозили расправой. Правда, отец — человек прогрессивных убеждений — не воспротивился браку. Но поддержки отца было мало. После женитьбы Хамза с друзьями отца отправился в Мекку,— оставаться в Коканде было опасно. Путешествие к святым местам гордого ниспровергателя нравов несколько смягчило мусульманское духовенство. Хамза был частично «прощен».

Но в своем родном городе он прожил после этого недолго. Вернувшись из-за границы, молодой учитель с большим рвением берется за просвещение народных масс: он открывает в Коканде школы для бедняков, где бесплатно обучает ребятишек, организует библиотеку.

Узкие улочки старого Коканда приводят нас к дому, где Хамза родился и провел свою молодость. Здание реставрируется, здесь все восстанавливается так, как было при нем. Камин, возле которого он сидел на коленях у отца, в стенах — углубления-ниши для пищи, лекарств, утвари. Пройдет немного времени, и дом-музей великого кокандца откроется для посетителей.

Машина мчится по укатанному шоссе, и мы въезжаем в кишлак Авваль. Хамза прибыл в Авваль уже членом партии коммунистов, здесь он стал народным поэтом Узбекистана. Время, проведенное в Аввале, оказалось плодотворным, именно здесь была написана знаменитая его пьеса «Проделки Майсары», вот уже полвека не сходящая со сцены.

Местные жители рассказали, что, помимо творческих занятий, Хамза принимал активное участие в общественных делах кишлака. Сохранился документ, написанный рукой Хамзы от имени дехкан: «17 апреля 1926 года приглашаем на торжество, связанное с официальным открытием важных сооружений... Эти сооружения построены в кишлаке Авваль Маргиланского тюмена Ферганской области объединенными силами дехкан на общественных началах с сентября 1925 года до 17 апреля 1926 года в порядке культурного и общественного соревнования с другими кишлаками, как доказательство на деле искреннего признания Советской власти».

По мосту через реку, воздвигнутому по проекту Хамзы, мимо мельниц, построенных по его предложению, по аллее, где любил прогуливаться поэт, идем к домику, где он жил.

В кишлаке и сегодня живы те, кто знал Хамзу. Я встретился с одной из его учениц, Софьей Джамаловой, в облике и взгляде которой, в том, как она держится, рассказывает, есть что-то восточно горделивое, высокое. Она помнит, как вместе с подружками посещала школу Хамзы. Многие родители не отпускали детей на занятия, предпочитая отводить их на работу к местным баям. Тогда Хамза пошел на хитрость: после каждого занятия он стал выдавать ученицам по 30 копеек вместо 20, которые они получали за тяжелый труд у богача, и родители учеников долгое время не знали, что их дети не работают, а учатся да еще и деньги получают за это.

— Мы многое узнали от Хамзы,— говорит С. Джамалова,— мы были рядом с ним, учились у него, верили в него, но разве мы знали, что перед нами великий человек и что дни его сочтены...

От Авваля до города Хамза, бывшего кишлака Шахимардан, около получаса езды. Стоит он в горах на высоте 1800 метров. Используя богатейшие природные богатства этого поистине райского уголка Ферганской долины, шейхи превратили кишлак в место паломничества к «святому мазару», а под этим прикрытием развили антисоветскую деятельность. Именно в августе 1928 года партия посылает Хамзу в Шахимардан. Он противостоит шейхам своими действиями: собирает бывших бедняков в артель, строит школу, красную чайхану, ставит памятник В. И. Ленину. По его инициативе дехкане сажают лес по склонам гор, борются с селями, проводят канал для орошения земель. А 8 марта 1929 года после страстной, зажигательной речи, произнесенной Хамзой на главной базарной площади, 23 женщины скинули и сожгли свои паранджи. Еще через десять дней комсомольцы кишлака отправились на гору, где был якобы похоронен великий святой Али, чтобы дать клятву верности своим новым идеалам. Но паломники, что молились неподалеку, не хотели допустить этого. Завязалась драка. Хамза бросился на помощь. Этого-то и ожидали его враги — ведь весь инцидент был спровоцирован заранее. На узкой улочке в засаде сидели убийцы. На Хамзу обрушился град камней.

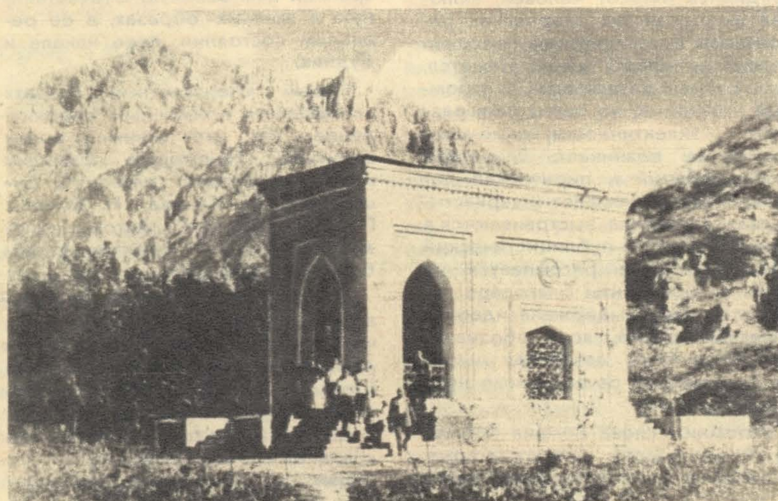
...Его мавзолей стоит у подножия огромной горы. Сверху весь город как на ладони. На мраморной плите выбиты слова поэта: «Счастье новой светлой жизни создадим на всей земле. Вечной будет наша радость, горе скроется во тьме». Тихое святое место. Да, святое не только потому, что здесь могила Хамзы, но и потому, что в годы гражданской войны здесь, в мечети, были заживо сожжены двадцать четыре бойца Туркестанской дивизии. Их сожгли те, кто спустя несколько лет убил Хамзу. Два памятника — погибшим воинам и воину-поэту Хамзе стоят рядом, как бы образуя пантеон славы геройству, мужеству, верности революции.

Вскоре здесь будет мемориальный комплекс. И тысячи людей приедут сюда, чтобы поклониться борцам за свободу, чтобы отдать дань уважения великому сыну узбекского народа Хамзе Хакимзаде Ниязи. Неистовому Хамзе.

Феликс МЕДВЕДЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Москва — Фергана — Коканд.

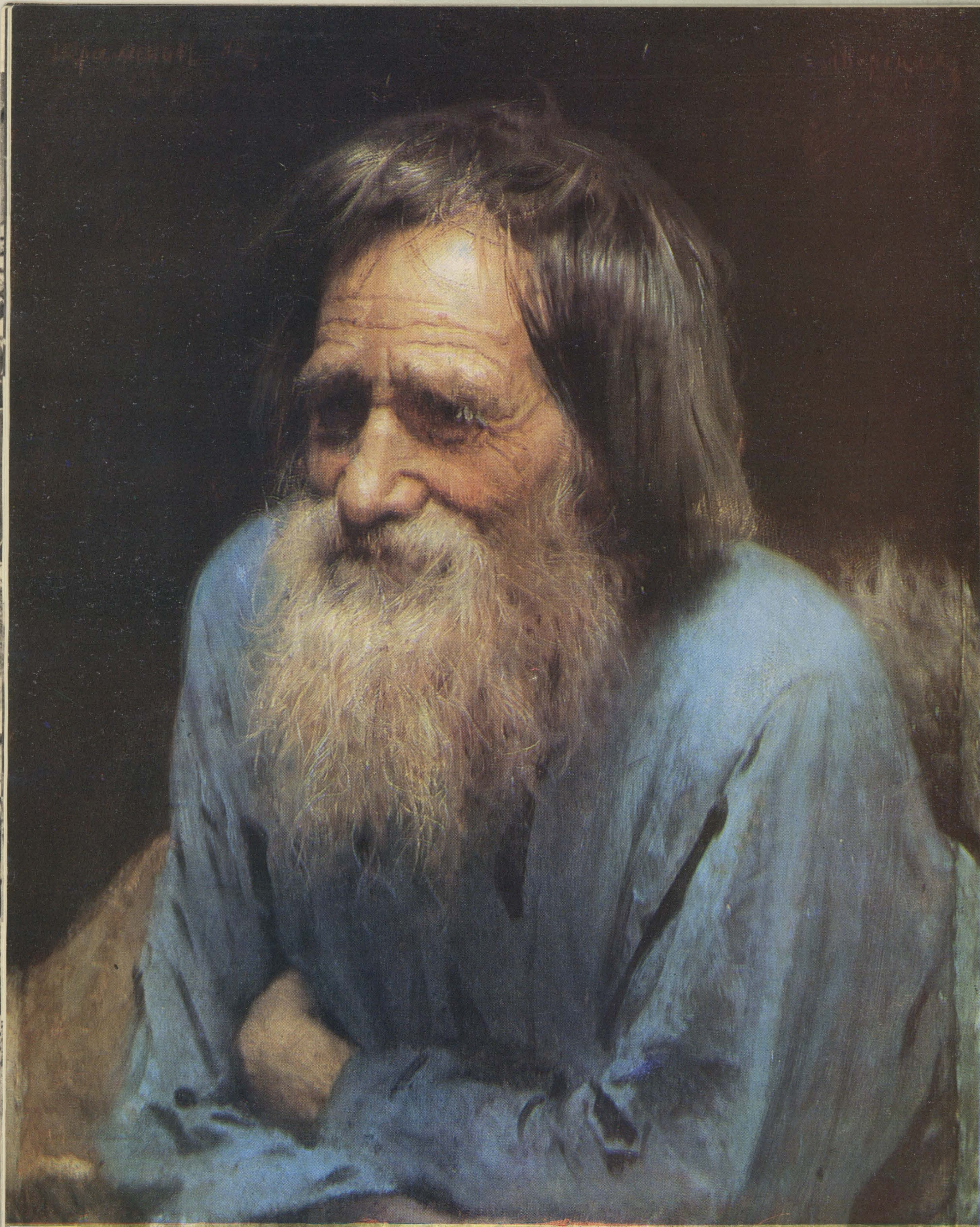
Мавзолей в городе Хамза.

В. Серов. 1865—1911. ДЕТИ. 1899.

Государственный Русский музей.

И. Крамской. 1837—1887. ПОРТРЕТ МИНЫ МОИСЕЕВА. 1882.

Государственный Русский музей.

наш современник

Тарас СТЕПАНЧУК

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР

Я снова возвращаюсь в Минск, город моей молодости. Воздушный лайнер чертит невидимую линию в заоблачной выси...

В сорок четвертом пассажирский поезд от Москвы до Минска шел около полутора суток, самолет покрывал это расстояние за три часа с лишним. Сегодня время пути уменьшилось примерно втрое. Тогда, в сорок четвертом, столица Белоруссии лежала в развалинах. И только в Красном Урочище, среди грибных и ягодных лесов да заболоченного ольшаника, чудом сохранилось с десяток четырехэтажных зданий и бараки ремонтных мастерских. На этом месте руками недавних партизан и комсомольцев-энтузиастов и был построен Минский автомобильный завод.

Почти полтора десятилетия МАЗ был единственным автомобилестроительным предприятием республики, потом от него «отпочковались» Жодинский и Могилевский заводы, автоагрегатные производства в Барановичах и Осиповичах. С той поры они выросли, окрепли и недавно воссоединились с МАЗом в Белорусское объединение по производству большегрузных автомобилей имени 60-летия Великого Октября — «БелавтоМАЗ», приняв в свой состав также Калининградский автоагрегатный и Минский рессорный заводы, ремонтно-строительное и монтажное управления.

Генеральный директор объединения «БелавтоМАЗ» — Иван Михайлович Демин, член ЦК КПБ, депутат Верховного Совета БССР, дважды лауреат Государственной премии СССР, Герой Социалистического Труда. Мы с ним знакомы давно.

...Первый автомобиль Демин увидел девяти лет от роду. В пасмурный летний день 1924 года лимузин иностранной марки съехал с Калужского большака и покатился по улице его родной деревни Хотисино. А восемнадцать лет спустя ЗИС-5 спас Демину жизнь: на нем он вместе с товарищами по подпольной группе вырвался из гитлеровского лагеря военнопленных в партизанский отряд «Смерть фашизму». А еще пятью годами позже, 7 ноября, первые самосвалы МАЗ-205 проехали в праздничной колонне демонстрантов по улицам поднимавшегося из руин Минска. В те машины долю своего труда вложил и главный энергетик завода Иван Демин...

Во многих странах довелось побывать Ивану Михайловичу, всякое он повидал. В Париже Демин встретил Марселя Сози, своего однополчанина. Вырулив автомобиль из плотного потока машин, Сози притормозил на площади Этуаль:

— Наша знаменитая Триумфальная арка. Построена в честь побед Наполеона...— И тут Марсель смущенно замолчал. В перечне побед Наполеона на арке значилась и Москва... Вдруг глаза Марселя прищурились, смешливые морщинки разбежались по лицу:— А я — не правда ли, забавный парадокс! — воевал в вашем отряде, носящем имя фельдмаршала Кутузова, который разгромил нашего императора!

СИЛЕН ВОЕВОДА РАТЬЮ

«БелавтоМАЗ» по-своему неповторим среди тысяч объединений страны. «БелавтоМАЗ» имеет четыре самостоятельных предприятия со своей спецификой, со своими классами выпускаемых машин. Комплектующие изделия делают для них более полутора тысяч заводов страны. Продукция «БелавтоМАЗа» экспортируется почти в шестьдесят зарубежных государств. Это производственное объединение — одно из крупнейших в Европе по большегрузам. Оно выпускает 32 наименования самосвалов и автопоездов, внедорожных автомобилей, тягачей-вездеходов и другой автомобильной техники грузоподъемностью от 8 до 180 тонн.

...Через час после приземления самолета в Минске я вошел в кабинет генерального директора.

— Сейчас закончу разбор утренней почты. А вы пока, чтобы не скучать, познакомьтесь с распределением обязанностей между мною и моими заместителями.

Я ожидал увидеть длинный перечень параграфов и пунктов, но вместо этого прочел всего-навсего шесть строчек, из которых, согласно приказу № 788 от 22.XII.77 года, явствует, что генеральный директор осуществляет: «Общее руководство деятельностью генеральной дирекции и объединения в целом. Контроль за принципиальными вопросами развития заводов объединения и их социальных планов. Связь науки с производством. Вопросы управления контролем качества, бухгалтерского учета и отчетности. Вопросы капитального строительства заводов объединения».

Вот и все. Ну до чего же вместительными могут оказаться всего несколько лаконичных фраз делового документа!

В кабинет вошел помощник генерального директора Юрий Михайлович Бури-Буримский. Поморщившись, развел руками:

— Я ему план, а он мне — оправдания...

— Переключили на меня?

— Переключил.

Демин снял трубку, сосредоточенно слушал.

— Короче и по существу...— взял он нить разговора в свои руки.— Опять скорректировать план? Автопоезда ждут на БАМе, а вы... План надо выполнять! Вам это известно? План — закон. И я с вас его спрошу! По всей строгости спрошу. Поняли? Тогда действуйте. Желаю успеха!

Демин положил трубку, задумался и, повернувшись ко мне, произнес:

— Вот говорил я с одним из директоров объединения о плане, а из головы не выходили слова, сказанные Леонидом Ильичом Брежневым на торжественном заседании, посвященном вручению Минску ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Мне посчастливилось быть при вручении, слушать яркую речь Леонида Ильича. Наутро прочел ее в газете и подчеркнул для себя некоторые мысли, чтобы напоминать их нашим руководителям.— Он протянул газету, и я прочел подчеркнутое: «Обстановка, изменение объективных условий могут требовать внесения некоторых корректировок в плановые задания. Это понятно и неизбежно. Но бывают корректировки, которые отнюдь не вызываются объективной необходимостью, предназначены облегчить жизнь кое-кому из наших хозяйственников. Они как бы узаконивают отклонение плановых показателей в худшую сторону».

Вернув газету, спрашиваю Демина:

— Ваш главный принцип руководства подчиненными?

— Не мешать им работать... При постоянном, конечно, контроле. Руководить — значит, доверять заместителям, подчиненным. Ставить перед ними общие задачи, избегая при этом деталей. Еще по фронту знаю: хорошему командиру не надо конкретизировать приказ до мелочей, это сковывает инициативу. Ведь выполнение каждой задачи, помимо всего, еще и рост руководителя, а это немыслимо без самостоятельности. Научно-техническая революция сегодня — в первую очередь проблемы управления. Вот почему на очередном этапе развития кадровый вопрос для нас всегда вопрос, а не раз и навсегда готовый ответ.

— Стало быть, сильна рать воеводою? — спросил я, но Демин тут же возразил:

— Наоборот, силен воевода ратью. Воевода (что хочу, то и ворочу) сегодня может быть лишь как нелепое исключение. Конечный итог управления — человек, а выполнение плана, выпуск продукции — это итог целенаправленной деятельности человека. Во имя все того же человека. Не столько руководитель формирует коллектив, правит людьми, сколько прежде всего коллектив в интересах дела им правит, люди его формируют. В том и главная сила нашего руководителя. Помните слова Леонида Ильича Брежнева: «...Наука побеждать — это, по существу, наука управлять!» Точнее не скажешь.

Демин встал из-за стола, повернулся к окну, и я позавидовал подвижности его кряжистой фигуры, могучему развороту плеч: вот уж воистину, такие в тридцать лет седеют, но не стареют в шестьдесят.

— Сам по себе, только сам по себе, я ничего не могу. Об этом и напишите,— посоветовал он.

РАБОТАТЬ В ПОЛНУЮ СИЛУ

Демин вызвал помощника.

— Попросите собрать в кабинете главного конструктора начальников отделов и конструкторских бюро. Сейчас к ним приду.

Мы подошли к зданию, в котором размещено управление главного конструктора. На первых этапах развития Минского автозавода конструкторская служба насчитывала десятки, сегодня она выросла до шестисот человек. Вместе с экспериментальным цехом, испытательными службами ее коллектив «перевалил» за тысячу! Отделами и конструкторскими бюро руководят более сорока квалифицированных специалистов. С ними и встретился Демин. Поздоровавшись, он оглядел собравшихся и придвинул кресло к массивному столу.

— Помните, товарищи, как «шел» у нас МАЗ-500? Сколько нас тогда было? Многие из вас тогда в рядовых еще ходили, а сейчас вон как выросли — теперь вы начальники отделов, бюро. У каждого свои коллективы, свои заботы, свои узлы машин. В муках давался нам МАЗ-500, были у нас немалые огорчения, но они почти не остались в памяти. Сейчас готовимся ставить на производство в будущую пятилетку наш МАЗ-6422. Что для этого надо еще?

На слове «еще» Демин сделал ударение, затем продолжал:

— Что нам мешает? В чем нужна помощь дирекции? А что сами недорабатываете? Что недорабатываем? Давайте послушаем об этом каждого. По своим узлам, товарищи, вам проблемы виднее. Помогите и мне в них досконально разобраться.

Все заметно оживились. Каждому было приятно, что генеральный пришел за советом, чтобы сообща решить, как и какую пользу принести общему делу.

Сначала я пытался сохранить в памяти если не содержание, то хотя бы сущность всех выступлений, но факты и выводы множились, заслоняя друг друга. А как же Демин? Неужели все запоминает да еще успевает отделить существенное от второстепенного, уяснить суть и определить пути решения возникающих проблем? Конечно, Демин имел свое мнение и знал обстановку в конструкторских службах головного завода. Но знал вообще. И сюда он пришел, чтобы выяснить детали, докопаться до мелочей. Или ему надо понять, о чем думают, что волнует, чем «дышат» руководители среднего звена управления главного конструктора? Пожалуй, и то и другое. Образно говоря, будущую машину он разбирал в уме на составные узлы, тщательно, всесторонне их проверял, чтобы убрать из них все, что может оказаться потом помехой на конвейере при серийном выпуске. Одновременно разбиралась на составные «узлы и агрегаты» система конструкторской службы, чтобы тоже убрать из нее все помехи,

которые уже имелись или могли появиться в будущем.

...Перед обедом, согласно распорядку дня, генеральный директор объединения «БелавтоМАЗ» принимал у себя в кабинете работников технических служб заводов. Время приема заканчивалось, когда Демин сказал мне:

— Еще Лукьяненко должен прийти. Беспокоит меня эта встреча. В свое время пришлось его снять с должности главного инженера Белорусского автомобильного завода, а специалист и руководитель он толковый, работать умеет. И честен, правдив, преданно любит свой завод. Но упрям и обидчив — сумеет ли побороть себя?..

Увидя входящего Виталия Ивановича Лукьяненко, я встал, собираясь уйти, но он протестующе заявил:

— У меня секретов нет! Пускай напишет: «Лукьяненко был против создания «БелавтоМАЗа». Категорически! Отстаивал самостоятельность своего завода и «пал смертью храбрых» на развалинах этой никому не нужной самостоятельности. Теперь он уже не главный инженер, занимается второстепенными вопросами да со своей обочины наблюдает за происходящим».

Демин поднялся, протянул вошедшему руку, пригласил садиться и хмуро спросил:

— Не надоело, Виталий Иванович, быть на обочине?

Лукьяненко дернулся, но промолчал.

— Станочный парк на БелАЗе,— начал Демин...

— Ему любой завод позавидует!

— Ну, не любой, но многие,— возразил Демин.— Сейчас закупаем новое оборудование на тридцать миллионов! Станки с программным управлением и прочее. Наладим их, людей работать научим, пустим автоматические линии — тогда действительно любой завод позавидует: таких станков еще ни у кого нет.

— Слышал об этом,— произнес Лукьяненко и, вытянувшись, побледнел.

— Освоить их в наших условиях дело трудное, до невозможности. Представляете?

— Представляю.

— Ну и беритесь за это дело.

— Неудачникам такое не поручают,— возразил Лукьяненко.— Ответственность же сумасшедшая...

— Неудача — понятие временное. Ответственность вместе поделим, если что. Беретесь?

— Берусь.

— Спасибо, Виталий Иванович! Желаю удачи!

...Демин прошелся по кабинету, заулыбался:

— Молодец, Лукьяненко! В полную силу будет работать.

Иван Михайлович Демин.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: «МВУ»

В приемной Демина — ни одного посетителя: тихо, пустынно, молчат телефоны. Помощник генерального директора просматривает какие-то бумаги. Кивнув на дверь кабинета, сказал: «Заходите. Но скоро Иван Михайлович должен уехать...»

Демин, секретарь партийного комитета Гребень и первый заместитель генерального директора Чкония сидели за длинным «заседательским» столом. Слышу такой разговор: «Оснастку, инструмент, узлы и детали комбайна КСК-100 поставили «Гомсельмашу» вовремя», «Начали ремонт техники в Березинском районе»; «Оборудуем колхозные мастерские».

Сидящие за столом руководители ведут компетентный разговор. Они родились и выросли в деревне, только в разное время и в разных местах. Отец Демина, Михаил Петрович, сидел за бунт в деревне в царской тюрьме. После Великого Октября односельчане в калужской деревне Хотисино доверили ему делить землю — по сажени на едока. Отец Чконии, Мосе Иосифович, коммунист ленинского призыва, создавал первые колхозы в Западной Грузии. Борис Моисеевич был в те времена еще просто мальчиком Боче и больше всего интересовался отцовским маузером в массивной деревянной кобуре. Что же касается Александра Владимировича Гребня, то первые детские впечатления приходятся у него на период фашистской оккупации села Уласы под Барановичами, а своего отца он впервые увидел в солдатской шинели, вернувшимся после Победы на пепелище родного дома.

Три поколения руководителей сидят передо мной за столом, и я не могу сдержать улыбки: как быстро вырастают дети!

Демин протягивает мне фотографию:

— Знакомьтесь: «МВУ-30».

— Красавец! Богатырь!— добавляет Чкония.

Меня, однако, богатырь не восхищает, а удивляет. Не так уж привычно видеть в наше время автомобиль на трехколесном ходу, причем диаметр каждого колеса, «обутого» в ребристую шину, тысяча двести миллиметров! Одноместная кабина, чуть бóльшая, чем на восьмидесятисильном «МТЗ» и кузов-бункер трапециевидной формы усиливают впечатление оригинальности конструкции.

— Не правда ли, красавец?— настойчиво допытывается Чкония.— Машина для внесения удобрений — «МВУ». Сельскохозяйственный автомобиль! Берет восемь тонн удобрений, ширина разбрасывания — тридцать метров!

— У современных отечественных разбрасывателей ширина всего четыре — шесть метров,— добавляет Гребень.

— И они идут только по твердой поверхности, а наш — смотрите, какие шины! — свободно передвигается по мокрой пахоте. Сошел снег, человек по полю не пройдет, завязнет, а «МВУ» уже может вносить удобрения на высокой скорости. В самые оптимальные для будущего урожая сроки. Самолетами у нас посевы далеко не везде подкормишь — размеры полей невелики, кругом леса, сады, а «МВУ» подкормит почву и на тысяче гектаров и на одном.

— Таких бы побольше,— заметил я.

— Правильно,— поддержал Демин.— Эту машину разработали конструкторы Минского головного автозавода под руководством лауреатов Государственной премии Михаила Степановича Высоцкого и Ивана Францевича Демидовича. Пора думать о серийном ее выпуске, но для этого нужны средства, производственные мощности, необходимо решить проблему обеспечения моторами. Годятся камазовские дизели, но они в дефиците, а тракторные моторы в нашем автомобиле не приживаются. Обо всем этом и пойдет завтра разговор в Центральном Комитете Компартии Белоруссии. А сегодня у меня после обеда Жодино. Если не возражаете, поедем вместе,— предложил Демин.

ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ...

Миновав городскую окраину, машина вырывается на простор Московского шоссе. У каждого человека есть на земле свои особенно дорогие места. Такими для Ивана Михайловича стали земли, что легли вокруг Минска, где он получил боевое крещение, похоронил погибших в боях друзей. В пятьдесят седьмом партизаны отряда «Смерть фашизму» впервые собрались у братской могилы однополчан в деревне Юрьево. И с тех пор ежегодно в первое воскресенье июля — встреча. А вот с того пригорка можно увидеть деревню Грядки. Там Демин познакомился с партизанкой Валей Бондарь, своей будущей женой. В ночь на восьмое марта Валя с подругами подорвала фашистский эшелон на той самой дороге, по которой идут сейчас поезда в Москву. Мелькнул справа дорожный указатель — Жодино. Демин посмотрел на обочину: тоже памятное место. Здесь его отряд вырубил кусок кабеля, нарушив прямую связь ставки Гитлера с группой армий «Центр»...

Водитель плавно сбавляет скорость, и панорама завода, мысли о нем вытесняют воспоминания...

Тома Александровича Шпаковского, директора Белорусского автомобильного завода, мы застали в преотличном расположении духа. Мы вышли на заводской двор, куда только что вернулась после испытаний машина БелАЗ-7519. Высота по козырьку поднятой платформы — 11 метров, ширина — более шести. Диаметр колеса — шутка ли — почти три метра. Мощность двигателя — 1300 лошадиных сил, грузоподъемность — 110 тонн, собственный вес — 85 тонн.

Том Александрович не скрывает гордости:

— Обратите внимание на маневренность: радиус поворота нашего «малыша» всего лишь вдвое больше, чем у «Жигулей»!

— Хорош... Опытный...— повторяет Демин, разделяя паузами каждое слово.— Ему в одиночку миллиарды запланированных тонн угля и руды не перевезти. Когда наладим массовый выпуск?

Я хорошо понимаю озабоченность генерального директора. Около семидесяти процентов породы в карьерах Сибири, Центра, Дальнего Востока и Севера вывозят машины, которые стали не транспортным, а технологическим оборудованием. Семидесятипятитонные самосвалы с электромеханической трансмиссией — это уже скорее тепловозы-электровозы на резиновом ходу. Перевозят их в разобранном виде, есть специальный цех шеф-монтажа и эксплуатации автомобилей, а в хозяйствах, где трудятся «БелАЗы», находятся постоянные представители завода, которые обучают водителей. Создан двадцать один опорный пункт по прямому обеспечиванию автохозяйств запасными частями.

...Я смотрю на гигантские корпуса Белорусского автозавода, на кварталы жилых домов, и даже не верится, что в войну здесь, между шоссейной и железной дорогой был пустырь, окруженный лесом. Тогда здесь действовал

партизанский отряд Демина, гремели взрывы, рушились под откос фашистские эшелоны, валились в кюветы искромсанные автомобили...

Попрощавшись с Томом Александровичем, мы спешим возвратиться в Минск. Уже сидя в машине, Демин огорченно произнес:

— Разрастается завод, наступает на поселок. Приходится сносить частные дома. А в одном из них друг живет — вместе из плена бежали. Как он сейчас, наш Павел Павлович Кулаков, мастер — золотые руки, человек удивительной души?

У монумента Матери Демин остановил машину, вышел из нее и медленно направился к изваяниям Анастасии Фоминичны Куприяновой и пяти ее не вернувшихся с войны сыновей. В семье Демина случилось иначе: судьба сберегла его в военное лихолетье, а вот мать погибла...

До самого Минска мы молчали. Машина остановилась перед зданием заводоуправления, когда до начала заседания парткома оставалось пятнадцать минут. Кстати, я ни разу не замечал, чтобы Демин куда-то спешил, а тем более опаздывал.

Сегодня на парткоме речь шла о близком будущем. Каким быть МАЗу в 11-й пятилетке? Какие машины пойдут по стране и за рубеж с его конвейеров? На расширенном заседании парткома рассматривался вопрос о завершении работ по переходу на серийный выпуск автомобилей МАЗ-5335 и подготовке служб завода к производству машин семейства МАЗ-6422.

С докладом выступал технический директор объединения Михаил Федорович Лавринович. Он отметил высокую степень унификации переходной модели МАЗ-5335, ее повышенную надежность, увеличение ресурса работы без капитального ремонта до 250 тысяч километров.

— А теперь о семействе МАЗ-6422,— продолжал Лавринович.— В конструкции этих машин, которые находятся на уровне лучших образцов мирового автомобилестроения, использованы многие прогрессивные решения. Механическую обработку деталей мы планируем вести на автоматических линиях. Сейчас на производстве работают всего три автоматических линии, а будет пятьдесят три. Разработан и утвержден проект реконструкции завода. Строятся новые корпуса, реконструируются основные цеха. Но разработка технологии, проектирование и изготовление оснастки отстают от намеченных графиков...

Когда Лавринович начал анализировать конкретные недоделки, называть виновников и пути устранения недостатков, в зале возникло оживление.

— Вот это хорошо,— вслух одобрил Демин.— Бери, Михаил Федорович, за бока «именинников», делу больше пользы будет.

Демин выступал одним из последних:

— Сегодняшнее заседание парткома необычное: нам решать, как будем работать в будущем, в одиннадцатой пятилетке. Нам эти решения потом выполнять. Новая машина, МАЗ-6422, должна быть сработана так, чтобы не только достойно оправдать себя на дорогах страны, но и за рубежом.

Слушая Демина, я думал, что в истории Минского автозавода это не первое знаменательное собрание коммунистов. Но на самом первом собрании, в сентябре сорок четвертого, тридцать членов и кандидатов партии обсуждали проблемы ремонта нескольких машин, обеспечения рождающегося завода водой и десятками киловатт электроэнергии.

Тридцать членов и кандидатов партии. А теперь в состав партийного комитета избраны сорок пять коммунистов, и на расширенном заседании партийного комитета присутствовали почти двести человек. Принятое им постановление стало боевой программой действий семи производственных парткомов, ста двух первичных организаций и всех трех тысяч шестисот двадцати девяти коммунистов.

Когда заседание закончилось, Гребень заметил:

— Кажется, сегодняшнее заседание парткома у нас получилось.

— Получилось,— подтвердил Демин.— Перспективы у нас ясные. Хорошо, скажу я вам, работать на перспективу!

Ко всему рассказанному хочу добавить: И. М. Демин избран депутатом Верховного Совета СССР.

ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЯ

МАМА ВЕРА

Уважаемая редакция! Я слышала, что Международный Красный Крест награждает медицинских сестер медалью с необычным названием — медалью Флоренс Найтингейл. Хотелось бы знать, что это за медаль? За что ее присуждают? Кто в нашей стране награжден этой медалью?

Медсестра московской больницы № 23
Алла ВЕНДИНА

— Медаль эта,— рассказал нам председатель ЦК Общества Красного Креста РСФСР А. Д. Тюляндин,— высшая награда Международного комитета Общества Красного Креста. Она учреждена в память национальной героини Британии, организатора курсов сестер милосердия, посвятившей свою жизнь облегчению страданий раненых и больных,— Флоренс Найтингейл (1820—1910 годы). Медаль платиновая, носится она на правой стороне груди, наравне с орденами. Награждаются ею медсестры и их помощники — активисты Красного Креста, проявившие исключительную самоотверженность и мужество. В нашей стране медалью Флоренс Найтингейл награждены 26 женщин. В частности, летом 1975 года этой награды была удостоена работница лесотарного комбината, бывшая санитарная дружинница Ленинского райкома Красного Креста города Ленинграда В. И. Щекина-Иванова. Зимой 1941—1942 годов она, только по официальным данным, спасла от голодной и холодной смерти 39 детей. Так как фамилии погибших родителей были неизвестны, детям давали фамилию их спасительницы. Точно же определить, скольких детей спасла Вера за все время блокады, сейчас невозможно. Десятки семей Щекиных оказались после войны в самом Ленинграде, очень много — в Кировской области, куда через Ладогу по «Дороге жизни» вывезено 22 тысячи детей Ленинграда.

Наш корреспондент побывал у Веры Ивановны Ивановой (Щекиной), которая живет сейчас в Ленинграде.

— Здесь, в Ленинграде, я родилась. Отец всю жизнь работал слесарем на Кировском заводе. После смерти матери остались втроем — старший брат, сестренка и я. Окончив семилетку, пошла ученицей электромеханика. Началась война. Всем нам тогда хотелось на фронт. В военкомате и в райкоме с нами — Тосей Андреевой, Манефой Косаревой, Надей (фамилии не помню!) — и разговаривать не хотели. Был там один майор — высокий, худющий. Глаза, воспаленные от бессонницы, красные, но веселые. Из военкомата он нас последними выпроваживал, когда там уже никого не было: «Гражданки, смирно! Гражданки, кру-гом! На фронт бегом марш! Куда? Здесь ваш фронт, дорогие, здесь...» Мы обижались тогда, а ведь действительно на улицах блокированного Ленинграда было иногда не легче, чем на фронте.

Так и работали мы всю войну в сандружине. Сейчас собираемся с девчонками и вспоминаем, как нас стрелять учили, по-пластунски ползать... Молодые мы были. Девчонки-то все уж на пенсии, времени много прошло, вот и вспоминают.

...Холод, голод, кровь... Люди черные, пухлые от голода. А детишкам хуже... маленькие такие, беспомощные... Вспоминать страшно!

...Сандружинницы Ленинского района дежурили ночами, выносили на руках раненых после артобстрелов и бомбежек, поднимали на улицах дистрофиков: кого — в больницу, кого — на Пискаревку, в могилу. В темных, холодных квартирах возле умерших от голода, под телами убитых часто они находили детей — еще живых. Матери до последнего дыхания телом своим пытались защитить их. Детей определяли в детприемник. А для этого нужно было направление из исполкома. Но дети чаще всего находились в таком состоянии, что времени на оформление не было, тем более что исполком и детприемник то и дело меняли адреса: бомбежки! Сандружинницы приносили малышей к себе в казарму. У Веры Щекиной всегда кто-то согревался под одеялом.

Однажды в приемнике Вере сказали: «Детей всех без направления и без фамилий на тебя пишем. У нас уже набралось тридцать Щекиных — малышей. Девочек Верами называем».

В казарме смеялись: 17 лет, а уже 30 детей. Так и прозвали «мама Вера».

...И сейчас ночами видится Вере Ивановне та лестница. Были случаи и пострашней, а вот этот почему-то запомнился. Дверь, закрытая на все замки, запомнилась. С трудом вышибли ее вместе с дворником. В комнате тихо-тихо. Только метроном стучит. Вера долго искала кого-то в темноте, но не находила. «Здесь они, здесь! — шептал дворник.— Два дня уже не выходят». Наконец возле окна Вера наткнулась на что-то мягкое. Зажгла последнюю спичку. Ребенок лежал возле мертвой матери и сосал грудь. Скорее, скорее, пока еще жив! По Невскому до Фонтанки — бегом. В глазах у самой темно от голода. Кажется Вере: упадет она сейчас, и всё — больше не встанет. Добежала до казармы, отогрела малыша под одеялом, размочила в кипятке оставшийся от пайка кусочек хлеба, граммов пятьдесят...

Через час снова вышла на улицу с санками. И снова — страшная сцена. Рядом с мертвой старухой лежала закутанная коекак в мешковину девочка. Вера взяла ее на руки, посадила на санки, повезла. После войны пришла телеграмма от капитана Петунова: «Спасибо за дочь!». Офицер разыскал дочку в Кировской области и узнал, что в детприемник ее сдала Щекина. Это один из немногих случаев, когда Вера Ивановна узнала судьбу «своего» ребенка. Дети были так малы, что воспоминаний о блокаде и о своей спасительнице у них, конечно, не сохранилось.

Ленинград выстоял. Вера Иванова внесла свою посильную лепту в героическую эпопею города на Неве.

С. АЛЕКСЕЕВ

Вера Ивановна Иванова (Щекина).

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Георгий **РОЗОВ**
Фото автора

На Ивановской ордена Трудового Красного Знамени ткацкой фабрике имени 8 Марта идет реконструкция — время для экскурсий самое неподходящее. В только что пущенный новый цех специалистов с родственных предприятий проводят единственно возможным пока маршрутом — через старые ткацкие цеха, такие шумные, что приходится кричать в уши собеседнику, а хлопковая пыль здесь густо носится в воздухе. И вот наконец новый корпус. Не верится, что на этом месте прежде умещались два фабричных здания, нареченных ткачами «Кавказом» и «Трясучкой». «Кавказ» был высок и жарок, а второе прозвище связано с жесткой вибрацией, от которой пол ходуном ходил...

Хотелось бы знать, кто причислил текстильную промышленность к «легкой»? Условия труда и работу ткачихи легкими никак не назовешь. За смену работница проходит вокруг своих станков до шестнадцати километров. Может быть, оборудование здесь простое? Нет, ткацкий станок — одно из сложнейших творений рук человеческих, а его наладка — дело ювелирное. Технологических сложностей у текстильщиков не меньше, чем переплетений нитей на квадратном метре ткани, и социальными проблемами старые ткацкие предприятия весьма богаты. Фабрика имени 8 Марта — одна из старейших, ей недавно исполнилось сто пятьдесят лет. Ивановские девчата до начала реконструкции сюда не шли, а приезжие выпускницы профтехучилищ предпочитали предприятия более современные. Так, в 1977 году на фабрику были направлены двадцать две начинающие ткачихи, а работают сейчас из них только три. Но вот в минувшем году из нового пополнения ушли единицы — большинство девушек прижилось в новом корпусе фабрики.

— Это только начало,— удовлетворенно говорит секретарь партийного бюро Галина Ивановна Чистякова.— На базе нашего предприятия строится первая в стране фабрика с автоматизированной системой управления. Иногда ее называют фабрикой-автоматом, так сказать, прообраз текстильного предприятия будущего! В общем, степень механизации и автоматизации будет достаточно высокой. Проект предусматривает внедрение в производство всех новинок, какие только есть в нашей промышленности. Выпуск ткани возрастет втрое, а производительность труда — в два с половиной раза. Но главная цель реконструкции — создание производственного комфорта! Труд ткачих должен стать наконец привлекательным...

Новый корпус огромный. Зал с высокими, шумопоглощающими потолками щедро освещен. Все коммуникации убраны на следующий этаж и не загромождают помещения, как прежде. Воздух чист и прохладен: кондиционеры меняют его шесть раз за час. В цехе сравнительно тихо. Люди переговариваются, не слишком напрягая голос. Вибрация почти неощутима. Красивые пневматические станки из Чехословакии совершеннее старых. Скоро между рядами станков смонтируют самодвижущиеся кресла: ткачиха сможет работать сидя, переезжая от станка к станку. Многокилометровые пешие переходы станут преданием старины. На прежней фабрике ткачиха управлялась с двадцатью восемью станками, а в новом цехе сможет работать на шестидесяти. Ходить-то не придется!

Все эти преимущества работницы фабрики оценили задолго до пуска первой очереди нового производства. Четыре года назад, когда Наташа Баранчук оканчивала ГПТУ, в училище пришла директор фабрики имени 8 Марта, Герой Социалистического Труда, член Президиума Верховного Совета СССР Зоя Павловна Пухова и рассказала о предстоящей реконструкции. Наташа тут же приняла решение.

В конце 1976 года на фабрику привезли из Чехословакии первый пневматический станок. Его поставили в старом здании, в той бригаде, где начала работать Наташа Баранчук. Она считает, что ей повезло: первой стала осваивать новую технику! И это она, Наташа Баранчук, предложила начать соревнование за право выпустить первый метр ткани в новом цехе. Всем хотелось поскорее перебраться в красивое, бесшумное и чистое помещение. А победили в этом соревновании Наташа Баранчук и Надя Митрова. Провели митинг в новом цехе, и первый метр ткани выткала Надя Митрова.

Надя из семьи потомственных ткачей. На фабрике и сейчас работают ее мать и дед. Надина жизнь с малолетства связана с фабрикой: в детский сад ходила и в пионерский лагерь ездила от фабрики... Победа в соревновании ткачих для Нади была большой неожиданностью. Она узнала об этом за час до митинга! Обрадовалась и всплакнула даже. Боялась, а вдруг новые станки не пойдут? Ткать на глазах у всей фабрики! Станки вступили в работу как часы. С того памятного дня ткачихи, которые пока работают в старом здании, проходу не дают директору: «Когда переведете во второй цех?»

— Пока что приходится отказывать,— говорит Зоя Павловна Пухова.— Ведь пущена только первая очередь—четыреста станков. К концу пятилетки смонтируем еще девятьсот. Тогда и удовлетворим просьбы ткачих. К тому времени должно быть закончено строительство детского комбината, профилактория и общежития для малосемейных — девушкам надо помочь семьями обзаводиться. Словом, проект нацелен на решение социальных проблем. Перемены в этой области будут серьезные. Исчезнут некоторые профессии. Например, на новых станках ткачихи обходятся без помощи заряжальщиц. Скоро не будет у нас и транспортировщиков, которые пока на тележках перевозят различные грузы. Их в новых цехах заменят водители электрокаров. Зато появились непривычные для нашей отрасли профессии: программисты, электронщики, радиотехники.

— Рановато вы приехали,— улыбнулся начальник отдела АСУ Юрий Сергеевич Назаров.— Через год мы бы показали нашу систему в действии. А пока монтируем оборудование, подбираем сотрудников, читаем лекции. Дада, лекции. Без этого нельзя, люди должны быть готовы к сотрудничеству с ЭВМ!

Юрий Сергеевич рассказал, что АСУ будет встречать ткачей в проходной: отметит время прихода на работу, а датчики, установленные на станке, сообщат электронно-вычислительной машине, когда он был включен, сколько времени простоял, по какой причине. Если потребуется ремонт, АСУ «запомнит» время вызова ремонтников и время окончания их работы, проследит за выработкой каждого станка, рассчитает зарплату, проанализирует работу бригады, цеха или всей фабрики за сутки, за месяц, за год. Многое может АСУ! Но мне показалось особенно важным, что вся информация, собранная в памяти ЭВМ, будет легкодоступной. Помощник мастера, начальник цеха или директор фабрики смогут в любое время обратиться к машине с вопросом и мгновенно получить необходимые сведения. А ткачихи, уходя домой, увидят на световом табло, сколько ткани сошло с их станков!..

Вот какой станет фабрика имени 8 Марта в Иванове.

«Право выпустить первый метр ткани в новом цехе»— это соревнование придумала Наташа Баранчук.

Молодые ткачихи обживают новый цех.

Учение начинается с макета.

Директор фабрики, Герой Социалистического Труда, член Президиума Верховного Совета СССР З. П. Пухова.

Валерий Николаевич Исаев работает врачом. Рассказы, стихи и очерки В. Исаева печатались в центральных и областных периодических изданиях, в альманахах. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей новый рассказ Валерия Исаева, участника VII Всесоюзного совещания молодых писателей.

КОРДОВ КОЛОДЕЦ

Валерий ИСАЕВ

РАССКАЗ

Рисунок И. ПЧЕЛКО

— Да иду же, иду... Ох, ты ж, господи, твоя воля,— отзывалась на крик младенца бабка Варвара. Мальчик был неспокойным — без конца отрывал ее от дела, заходясь резким, долгим плачем. Она металась по двору, едва поспевая нарубить кабану жир, подбежать к загнетке, глянуть на поспевающую в печи картошку, мимоходом бросить глаз на чистенькую дежку, из которой вот-вот вывалит заведенное нынче тесто, и опять во двор: «У-у-т-я, у-у-тя, у-у-тя»,— кормить высыпавших из подворотни голодных утят. Они, жадно склевывая с гладкой земли золотистое мятево, позабыв про осторожность, сгрудились у самых ног бабки Варвары и, наступая друг другу на серенькие спинки, торопятся поскорее подобрать корм. А бабка Варвара стоит на сенечных приступочках в платке на самые глаза — день нынче жаркий с самого утра,— в длинной выгоревшей юбке и оборчатом переднике, подоткнутом с одного боку под поясок, держит одной рукой махотку с мятевом, а другой раскидывает его на трепещущие спинки суетливых утят: «У-у-тя, у-у-тя, у-у-тя. Это ж наказание какое-то, не дитя,— сокрушается бабка Варвара, оглядываясь в сенцы, откуда доносится голос ее внука. Только месяц, как прибыл он из города на тряской подводе и уже замучил ее вконец своим криком.— Да иду же, иду, родимец тебя побери...» Она вытряхивает остатки корма и, взглянув на обмякших, сонных утят, исчезает в темных сенцах...

На широкой деревянной кровати, обложенный подушками, на домотканых мягоньких пеленках лежит ее «мучитель». От постоянного крика маленькое его личико припухло, он вяжет ножками, ловит горячий августовский воздух крохотными ручками и кричит что есть сил...

— Забельшил ты мою жисточку, мучитель,— хлопочет над младенцем бабка Варвара.— Ну чего ты надрываешься? Чего тебе не хватает? Матка у тебя есть, батька у тебя есть... Чего ж тебе, бесенку, надоть?

Она осторожно, вытерев узловатые руки о передник, потерла их сухими ладонями друг о друга, чтоб согрелись, и, продолжая что-то бормотать себе под нос, склонилась над ребенком. Потом долго вышелушивала его из пеленок, подгузников и кусков сырой, сложенной слоями марли. Ходила по горнице, прикрыв дверь в сенцы ногой, трясла на руках плачущее дитя.

— Ай-лю-люшеньки, лю-лю,
Сели гуси на лугу... —

тянула она, широко ступая по утоптанному глиняному полу, безнадежно пытаясь унять неугомонного внука, то и дело пригибаясь и поглядывая в окошко на двор, не перекинул бы чего кабан, не залезли бы куры в огород, не потух бы окаянный примус...

— Сели гуси на лугу
На шелковую траву...—

почти выкрикивала, перебивая надсадный детский плач, переполошенная бабка Варвара.

— Ну что мне с тобой делать? — в отчаянии произносит она, и, раздраженная, решительно подходит к кровати, с которой только что взяла ребенка, и снова с причитаниями, склонившись над подушками, кладет младенца на уютно намятое место среди разного настиранного тряпья.

— Да идем, идем, ладно, доконал... Хотела по хозяйству управиться, дак не дал, не дал, паразит оголтелый,— сама себе поясняет бабка Варвара и начинает пеленать внука перед дорогой. Опытные ее быстрые руки ловко делают привычное бабе дело, и скоро беспокойный внучек лежит поперек кровати, будто свежетесанное поленце.

— Побудь тут один,— говорит ему бабка Варвара и спешит в сенцы, а там и на двор, залитый приветливым августовским солнцем. Пробежав по двору, наскоро наведя порядок, она метнулась в избу и вышла, держа на руках драгоценного внучка.

...На ходу мальчик спал, подставив розовое личико полуденному теплу, лишь изредка вытягивая губы трубочкой, часто и громко причмокивая.

— Есть хочется... Сейчас дойдем и поешь,— смягчилась над спящим внуком бабка Варвара, — уж и недалече, потерпи малость. Вот минем сад, а там полем пробежим с тобой, и мамка твоя вот она... Спи пока, спи себе, — увещевала она внука.

По саду шли узенькой, утоптанной до лоснящейся гладкости тропке, по обе стороны от которой стеной стоял выгоревший за лето высокий густой бурьян. Нет-нет да шлепалось на землю вызревшее, затяжелевшее яблоко, гулко отзываясь в полуденной тишине, спугивая чутких птиц, настораживая и бабку Варвару — она оглядывалась из бурьяна, а потом прибавляла ходу. Беленький ее платочек то пропадал в гуще выцветшей зелени, то вдруг выныривал неожиданно далеко, быстро продвигаясь по старому колхозному саду к его краю, к раскидистому одинокому ясеню, за которым тропка врезалась в пыльную мягкость проселочной выбитой дороги, укрытой, как теплым покрывалом, толстым слоем прогретой топкой пыли.

— Далече нынче? — окликнула бабку Варвару тетка Кочегурка, возвращавшаяся той дорогой из города с покупками, увязанными в два аккуратненьких узла, перевешенных через плечо.

— К Кордову колодезю, на бураках Анька ноне — буртуют, — отвечает бабка Варвара и прячет лицо спящего своего внука от глазливой Кочегурки, а той интересно взглянуть на ищенковского отпрыска. Она пытается посмотреть на ребенка, но бабка Варвара, прижав мальчика к груди, поспешно уходит прочь, шлепая босыми ногами по глубокой пыли, оставляя за собой дымящийся пыльный след.

— Недосуг мне, Афанасивна, ты тово, извиняй, — бросает она уже на ходу. — Заходи, будет время...

Дорога пошла полем, сползла ленивой лентой с пологого увала. Деревня с редкими, слабыми криками, далеким собачьим лаем осталась позади, схоронившись за садом, как за ладошкой, от горячего солнца. На этом месте пути всегда ворохнется сердце у отъезжающего гостя — деревенька, будто осерчав, возьмет да и отвернется от тебя; ты оборотишься глянуть на нее в последний-то раз, ан ее уж и нет. Один только сад с корявыми стволами, надорванными обильными урожаями яблок, да одинокий седоватый ясень у дороги — вот с этим и уходи из деревни. Эту самую картину и уносили люди с собой перед глазами кто насколько, а иные и навеки. Даже бабка Варвара, подойдя к этому самому месту, холонула сердцем, да только оборачиваться не стала — торопилась.

По обе стороны вырвавшейся на волю широко побежавшей дороги разлеглись убранные неоглядные поля. Ощетинившаяся коротко стриженными бодыльями пепельная стерня отдыхала после неугомонного шума и суеты уборочной, многоголосия опустевших токов, надсадного воя автомашин, ночного рокота настырных тракторов. Поле было пусто и мертво: страда закончилась, будто ее и не было, а земля, распластавшись на солнцепеке, отдыхала от праведных своих трудов, разродившись наконец тяжелым закромным хлебом, дав заботу людям, оставшись сама в поле под золотой скирдой отдыхать, набираться новых сил.

«Хорошо убрали хлебушек,— оценила бабка Варвара мимоходом,— не то что летошним летом... Колоска не сыщешь. Все как есть подобрали...»

Ребенок мирно спал на ее руках, порозовев на ласковом солнышке, изредка помаргивая, подрагивая губами. Несколько раз он ни с того, ни с сего начинал улыбаться во сне, бабка Варвара останавливалась — не часто видела она своего внука в таком настроении, но он как-то сразу серьезнел, супил свои белобрысые брови, и тогда она ускоряла шаг, торопилась — только б не проснулся.

На другом конце поля завиднелись низкие заросли ракит, густого лозняка, выползшие змейкой из распадка в увалистом бугре, и, извиваясь по полю, потянулись далеко за горизонт, туда, где город. На обе стороны от прорана — бурачные шишковатые поля.

Сколько себя помнила бабка Варвара, сюда, в этот укромный овражек посередь бугра, в благодатную тень исковерканных ракит собирался трудовой люд для передыху. Попить ключевой водицы, сочившейся тут столько

время из плодоносной земли, умыть обожженное солнцем лицо, остудить разгоряченное, просоленное потом тело. Тут, в густой тени корявой ракиты, догнивал и старый дубовый сруб — все, что осталось от бывшего колодца. Рядом с ним огромная дубовая белесая долбленка — отсюда пили когда-то заморенные лошади, дотащившись на водопой с соседних полей. Крутые склоны овражка густо поросли нетронутым высоким разнотравьем, будто хоронили от незнакомых людей благодать этого укромного места.

— Теперь уж недалече, потерпи,— тихо говорила запыхавшаяся бабка Варвара младенцу, который начал было тереться личиком о ее пустую грудь,— ну, ну, ну... Погодь, не серчай... Я бы и сама рада пошибче, дак не могу. Пожалей, соколик, бабку, от, вишь, сердце заходится — заморилась. Счас, счас я...

Поднявшись на бугор краем овражка, бабка Варвара, сощурив глаза, вглядывается в бесконечное, переходящее где-то далеко в небо поле, где, склонившись над бурачным лопушьем, работают березницкие бабы. С этого краю поля то тут, то там навалены крупноголовчатые бурты. На щекастых бураках коркой взялись запекшиеся на солнце оковалки земли. На торчащих из кучи тугих листьях жилами вздулись поздние сильные соки. Глядит бабка Варвара на согнувшихся баб и вспоминает свои годы, когда вот так же могла работать, по дню не разгибаясь, а потом еще дом, хозяйство да Трошка-муженек... Но внук прервал ее мысли, заворочался, забил ножками, натужился — аж посинел весь.

— Господи, царица небесная,— испугалась бабка Варвара и что было сил закричала с бугра над полем: — А-а-нь-к-а-а! А-а-нь-к-а!...

Одна из баб выпрямилась, огляделась по сторонам — откуда кричали, а потом бросилась бежком вдоль межи, подминая отяжелевшие листья, будто и не работала вовсе, быстро перебирая коленками, расстегивая на бегу выгоревшую на солнце просторную кофту.

— Иду, м-а-а-м! — отозвался с полей звонкий женский голос.

— Вот дура-то, чего мотается, забесилась, что ли,— ворчит бабка Варвара и машет Аньке рукой — дескать, не беги, нельзя ж тебе...

А Анька знай бежит себе серед поля, молодая, разрумянившаяся от работы ли, от скорого ли бега, а может, и просто от материнского своего счастья. Теплый встречный ветер полощет на ее крепких ногах широкую юбку. Бабы, что остались в поле, тоже выпрямились и провожают ее, кто глядя из-под руки, а кто и просто через прищур. «Счастливая: мужик не пьет, дитя здоровенькое народилось, чего ж еще надо...» И снова за работу: время такое — уборка.

— Ах ты, мой маленький, проголодался, родненький ты мой... Сейчас, сейчас, рыбонька моя, мамка тебя покормит,— щебетала Анька, осторожно принимая из рук бабки Варвары своего первенца. Бабка осталась стоять, опустив онемевшие руки, и с умилением глядела на разрумянившуюся невестку.

Они спустились по тропке к Кордовому колодцу — невестка с сыном, бабка Варвара следом.

...Анька сидела на краешке широкой долбленки в тени густой ракиты. На лицо ее выбились из-под платка волосы, и она то и дело сдувала их, не отрываясь от своего сокровища, гладила его крупной, в земляных трещинках ладонью по головке, поправляя, подтыкая белые листья душистых пеленок. Ребенок взял грудь жадно, набросившись на брызнувший молоком пухлый сосок, и, будто не веря самому себе, отвалился, потом снова, быстро заворочав головкой из стороны в сторону, нашел его, надолго припал к груди, громко чмокая, посмактывая, расплескивая обильное молоко, насасывал дружно, покряхтывая, разворачиваясь упругим тельцем в ласковых материнских руках.

Бабка Варвара стояла, прислонившись к облезлому стволу старой ракиты, мирно сложив жилистые руки на белом переднике, глядела на Аньку.

— Не устаете, мама? — подняла, наконец, лицо Анька и ласково, как на своего ребенка, поглядела на бабку Варвару. — Тяжело с ним, я знаю...

— Да нет, дочечка, то ж с чужими чижало,— отвечает участливо бабка Варвара, — а со своими тольки на пользу. Скольки их у меня перебывало!.. А вот видишь, жива ж осталась. Только своих-то деток осемь штук. А теперь вот внуки... — Она помолчала, будто вспомнила в памяти своей каждого, и добавила, выдохнув: — Не чижало.

А Анька уже не слушала ее, все заглядывала в лицо своего мальчика, подставляя половчее ему грудь, поддерживая головку. Лицо и шея у нее успели подпалиться за эти знойные дни, раскрытая же грудь была непривычно белой. Ребенок, отвалившись от груди, сладко спал, почмокивая во сне губами, подрагивая розоватыми тонкими веками.

— Ну вот, кажись, и все, угомонился мой ясный,— говорит тихо Анька, застегиваясь одной рукой на мелкие частые пуговички.

— Аньк,— вдруг спохватывается бабка Варвара,— а вот что хошь со мной делай, а не нравится мне евонное имечко — все Валя да Валя, навроде он и не мужик вовсе... Вы уж с Николаем-то поломали б голову, мальчонкато шибко хороший...

— А мы тоже передумали, мам,— улыбнулась Анька и, держа спящего младенца на широко расставленных округлых коленях, поправляя платок, сказала: — Решили Алексеем назвать, как вашего, мам, сына...

— Да вы что, господь с вами,— перекрестилась бабка Варвара,— да разве ж можно...— Голос ее дрогнул.— Кабы не война...— Она отвернула лицо и уголком платка стала часто вытирать глаза. Помолчали. Слышно было, как громко стрекотали кузнечики.

— Ну, мам, мне пора... Вон уже где наши,— нарушила тишину Анька.

— Посидела б еще,— ласково сказала бабка Варвара, с какой-то глубокой благодарностью взглянув на нее,— ты теперече должна беречь себя, жалеть.

— Еще чего,— весело отвечает невестка,— скажете тоже. Работать мне надо, а не рассиживаться... Что бабы-то скажут... Да и не устала я совсем.

— Ну, гляди, девка, гляди, дело молодое, кабы не сломаться, не дай господи... — приговаривает бабка Варвара, беря из Анькиных рук ребеночка. Невестка же, как всполошенная, быстро бежит в гору через лозняк, по овражьей круче на бугор и, помахав им с обрыва рукой, скрывается в поле.

Бабка Варвара пошла было тропкой вдоль неторопливого ручья, да скоро остановилась и стала вглядываться в лицо беззаботно спящего мальчика. Долго глядела, пока не застили ребячье лицо подкатившие откуда-то из самого ее сердца слезы.

— Алешенька, сыночек мой,— срывающимся голосом простонала бабка Варвара и, ничего не видя перед собой, прижав к себе ребеночка, торопливо засеменила по знакомой ей с детства дороге.

Леонид ВЬЮННИК

Приход весны

БУХТА ЖЕЛАНИЯ

Где б мы ни были,
Главное —
Есть у нас за спиной
Наша Бухта Желания,
Этот берег родной.
Это поле,
березы
Снятся в море не зря.
— Эй, лихие матросы,
Поднимай якоря!
Ветер силы подкинет,
Затрубит тишина,
Чтоб звенела под килем
Золотая волна.
Чтоб шумели широты,
Как в лугах ковыли,
Чтобы флотские годы
Без следа не прошли.
Чтоб стихия буранная
В сердце властном жила.
Чтобы Бухта Желания
Нам желанной была.

ПАРЯЩИЕ ГОРЫ

В сизой дымке плавно,
гордо,
С легкой четкостью орлиной,
Видел я —
парили горы
Над Гиссарскою долиной[1].
Их вершины — снеговые,
Спады —
в солнечной метели.
Будто волны штормовые
На какой-то миг взлетели.

Над грядою туч кудлатых,
Посреди земного мира,
Все парят, парят крылато
Над серебряным Памиром.
Горы, горы —
скат покатый —
Вечный камень, острый лед,
Переливы,
перекаты,
Фантастический полет!

●

До снега считанные метры.
С востока ветра сиплый вой.
Летит сентябрь верхом на ветре,
Бубнит меж ветками листвой.
Стоит гора,
как будто свечка
С оплывшим, слабым фитильком.
Бормочет высохшая речка
Шершавым слабым языком.
Замрет уставшая природа
Под покрывалом тишины
И будет ждать еще полгода
Прихода ведренной весны.

1 Долина в Таджикистане.

ИГРА ИСКУССТВЕННОГО КАМНЯ

Генриетта АЛОВА
Фото Г. КОПОСОВА

СЛОВО О ФИАНИТЕ

Это случилось сравнительно недавно, в семидесятых годах. В Физическом институте имени П. Н. Лебедева АН СССР, прославленном ФИАНе, был выращен кристалл, которому полагалось служить в оптическом генераторе, лазерной установке. В честь института новый кристалл нарекли фианитом.

Что было диковинного в появлении еще одного материала для лазерной техники? Ровным счетом ничего! К тому же новенький не стал лидером среди своих многочисленных коллег, но зато он был невероятно красив, сверкал почище бриллианта, даже не побывав в руках гранильщиков. Когда же фианит обработали опытные мастера и под нанесенными гранями засверкали вспыхнувшие огоньки, на смену лазерному материалу пришла россыпь камней, разлагающих, подобно бриллиантам, белый свет на его составляющие. Наиболее бриллиантными, если можно так выразиться, показали себя фианиты весом один карат — две десятых грамма.

Красоту их можно объяснить. Оказалось, что игра искусственного камня почти не отличается от игры алмазных бриллиантов.

Творение фиановцев несколько уступает в твердости алмазу, но зато оно более стойко к высокой температуре. Алмаз, нагретый до тысячи градусов, превращается в черный порошок — графит. Фианит же, который получают из расплавленных окислов циркония, гафния, иттрия и других редких металлов, хорошо переносит температуру почти трех тысяч градусов!

В создании драгоценных камней человек превзошел природу. Никто, например, не находил алмаза лилового, фиолетового, сиреневого. Фианит же может соперничать в цвете и красоте с аметистом или чараитом из месторождения, недавно обнаруженного в Саянах, недалеко от реки Чары. Игра искусственных ограненных кристаллов напоминает то грозовое небо, глубины которого прорезают таинственные сполохи, то разгорающийся костер.

Фианиты теперь приравнены к драгоценным камням. Здесь торговым организациям не пришлось преодолевать недоверие покупателей, выпадающее на долю иных искусственных кристаллов. Покупатели, которым полюбились кольца, перстни, кулоны с фианитами, наверное, даже не задумывались, почему эти камни приходят в магазины не с ювелирных фабрик, а с завода элементов электровакуумных приборов «Эмитрон».

Дружба предприятия и академического института началась задолго до появления фианита, когда возникла необходимость получить красные лазерные кристаллы, впервые полученные в Институте кристаллографии АН СССР. Академик А. Прохоров прекрасно понимал, что внедрение какой-либо научной идеи в промышленность — дело вовсе не простое: у завода есть свой жесткий план. Однако делового гостя встретили весьма заинтересованно. Договор о содружестве был подписан директором завода Ю. Егоровым и главным инженером, профессором, доктором технических наук, автором многих изобретений Н. Иофисом. Естественно, им оказались чрезвычайно близки интересы ученых.

Когда настал срок внедрять в промышленность производство фианитов, академик А. Прохоров вновь договорился с этим предприятием. Вскоре из института на завод пришли генераторы и установки для получения кристаллов. Освоив процесс при участии ученых, руководители «Эмитрона» решили использовать фианиты в ювелирном деле, организовали выпуск прекрасных изделий, украшенных бесцветными и цветными ограненными рукотворными камнями. В новом заводском корпусе начали работать опытные мастера — ювелиры и гранильщики.

ЕГО НОВЫЕ ПРОФЕССИИ

В Физическом институте АН СССР и на заводе «Эмитрон» можно видеть такую картину: за столами, на которых лежат груды необработанных кристаллов, сидят работники, вооруженные алмазным инструментом. Обрезая фианит, придают кристаллам форму, выбранную заказчиками. Лицензию на право использования патента приобрели фирмы США, ФРГ, Японии, Канады, Австрии. Фианиты изготавливают только у нас, а в получении этих кристаллов заинтересованы все. Ведь фианит умеет очень многое. Признание его ювелирных достоинств — скромный пустячок по сравнению с уникальным сочетанием его оптических свойств. Детали, изготовленные из этого твердого кристалла, и после длительной работы остаются нетронутыми, им суждена долгая жизнь. Фианиты заняли почетное место в оптическом приборостроении, входят в сложные устройства, используемые при космических исследованиях.

Однажды, придя к главному инженеру «Эмитрона», я увидела у него образец лупы из фианита. Оказывается, оптическая сила искусственного кристалла настолько велика, что почти плоская лупа дает увеличение, недоступное ни стеклу, ни кварцу. Такой лупой заинтересовался знаменитый офтальмолог, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР А. Нестеров. Ведь фианитовые очки — спасение для слабовидящих.

Новый кристалл — подлинное чудо. С ним лучше работают эндоскопы. Значит, исследователям внутренних органов человека откроется ранее невидимое, и они смогут избрать новые пути лечения ряда заболеваний. Большой интерес представляет фианит и как проводник электрического тока. Приборы с участием этого кристалла конструируют на заводе «Эмитрон».

ВОЛШЕБСТВО РОСТА

Как же выращивают рукотворные драгоценные камни?

Я хожу по лабораториям Института кристаллографии имени А. В. Шубникова АН СССР.

Вспоминается первая кристаллизационная установка «Сапфир» для выращивания лейкосапфиров — бесцветных кристаллов высокой твердости, обладающих чрезвычайно ценными качествами. В установке есть молибденовая «лодочка», которую загружают белым порошком — окислом алюминия. В вакууме под влиянием высокой температуры (свыше двух тысяч градусов) порошок расплавляется. «Лодочка» медленно, но верно плывет с ним к выходу. Постепенно изменяется температура, наступает момент кристаллизации, и расплав превращается в прозрачное твердое тело. Его можно превратить в ювелирные камни или кристаллы для микроэлектронных схем и деталей сложнейших приборов.

Установки «Сапфир», ставшие серийными, можно теперь увидеть в цехах отечественных и зарубежных предприятий.

Кристалл лейкосапфира, получаемый по методу «лодочка», вначале весил совсем немного, а сейчас вес его достиг четырех килограммов. Однако работы продолжаются. И вот в специальном конструкторском бюро института создана новая кристаллизационная установка, в которой выращиваются еще более крупные кристаллы лейкосапфира.

Разработана система автоматизации, исключающая непосредственное участие человека. За соблюдением режима наблюдают датчики, информирующие электронно-вычислительную машину, которая управляет процессом кристаллизации. Один датчик представляет собой лазерный локатор, другой — колеблющийся вибрационный стержень, реагирующий на приближение кристалла.

А можно ли выращивать кристаллы, не прибегая к сложным кристаллизаторам? Ответ на этот вопрос дает одна из лабораторий специального конструкторского бюро института. Здесь стоит вереница крупных стеклянных сосудов с водными растворами, из которых вырастут кристаллы. Электронное устройство обеспечивает стабильную температуру. Она значительно ниже температуры в кристаллизационных аппаратах, где плавятся тугоплавкие материалы.

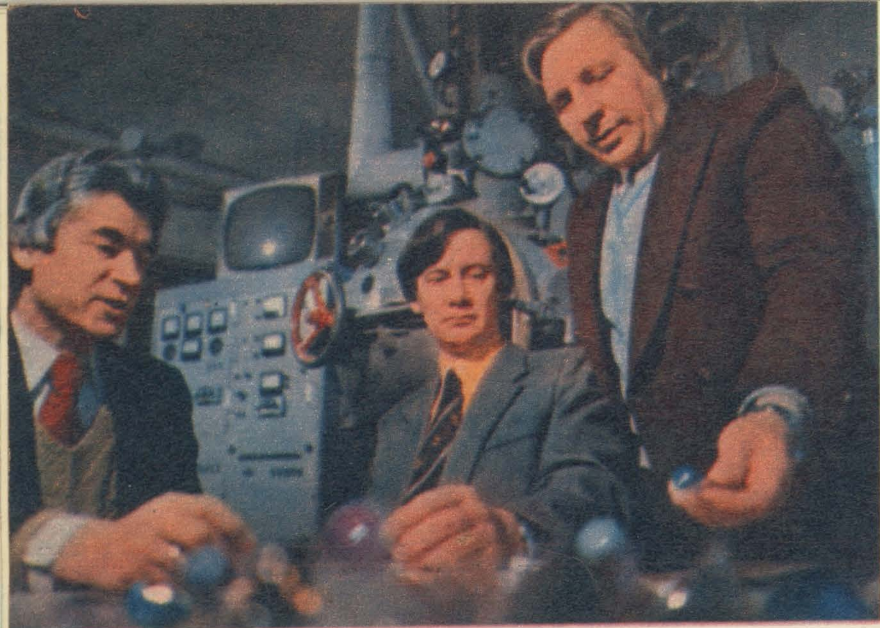
Одно из наиболее интересных применений новых искусственных кристаллов больших размеров — в антеннах для приема гравитационных волн, волн полей тяготения. Поиск ученых, ведущийся в этом направлении, пока что не увенчался успехом. Однако есть надежда, что акустические свойства лейкосапфира огромного размера помогут нащупать сигналы далеких звезд. Рукотворные сокровища помогут исследованию Вселенной.

Институт кристаллографии АН СССР. Здесь создан автоматический рентгеновский дифрактометр, предназначенный для исследования атомной структуры неорганических кристаллов и белковых молекул. Инженер А. Лолейт настраивает прибор. ● Рукотворный монокристалл.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

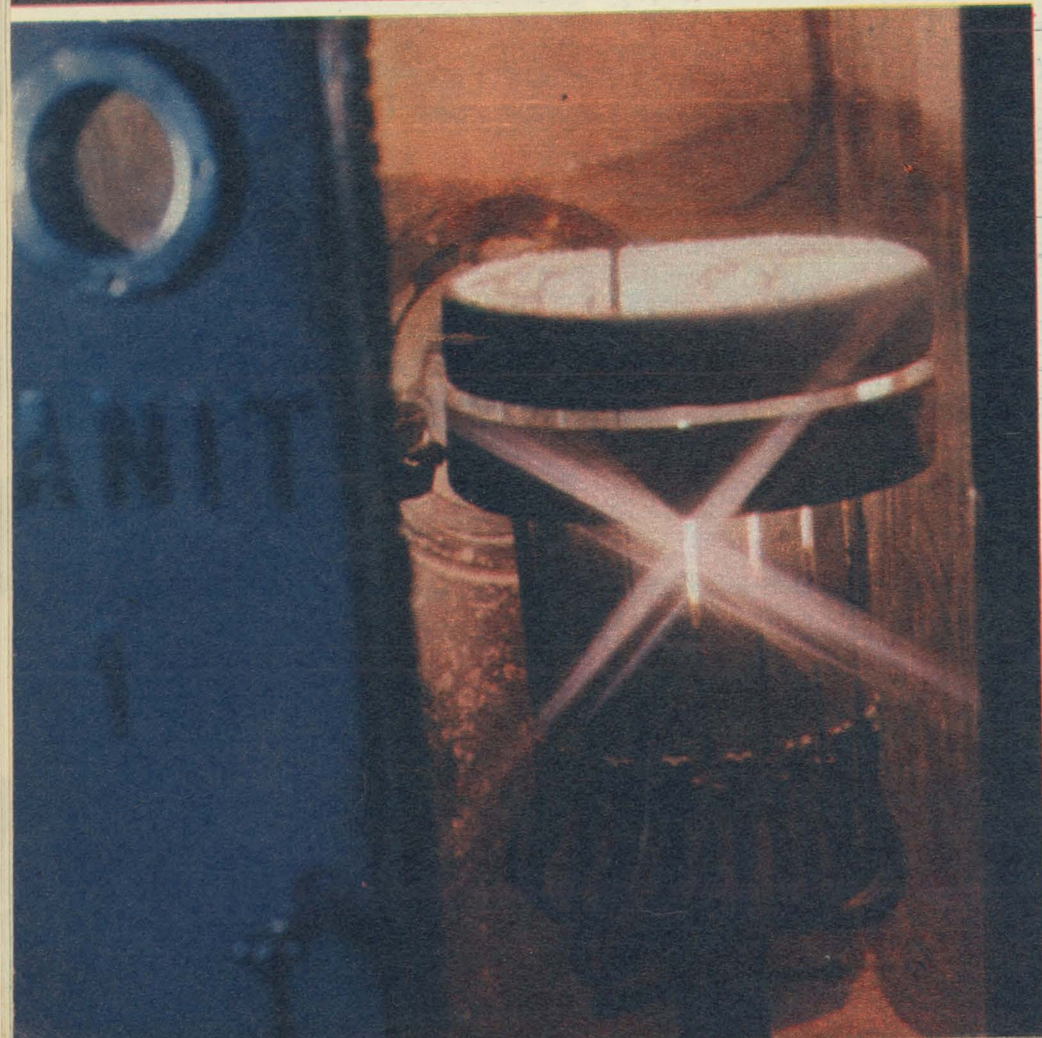
Кандидат химических наук А. Климова готовит к исследованию оптический кристалл ● Кристаллы рубина, выращенные в Специальном конструкторском бюро института. С помощью этих кристаллов было определено расстояние между Землей и Луной.

ANIT

Джеймс ОЛДРИДЖ

РОМАН

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Прощай, не та Америка

Мы проводили Эйми до аэродрома Хитроу, куда прибыл из Германии Джек, чтобы захватить ее по пути домой. Джек был настроен дружески и все время шутил. Он сказал Айлин, когда мы ждали, чтобы взвесили багаж:

— Не правда ли, она как настоящая маленькая провинциальная мамаша?— Он показал на Эйми, как будто она находилась за несколько кварталов от нас.

— Она прелестна,— ответила Айлин.

Взглянув на Эйми, я понял, что они оба правы. Эйми втиснула свое тело в жесткие рамки, предписанные новой модой того времени. На ней была маленькая голубая шляпа с белой вуалью и сетчатые перчатки на руках. И хотя ее одежда была, очевидно, дорогой, выглядела она как домашняя хозяйка из провинциального городка, вырядившаяся для посещения местного женского клуба. Две слезы проложили аккуратные маленькие бороздки на ее напудренном лице, когда она обняла нас обоих. Я понял: что бы с собой ни делала Эйми, это не могло причинить ущерба ее непорочной красоте, и в ней, казалось, тем сильнее проявлялась эта непорочность, чем старше она становилась.

— Она потеряла в весе,— сказал я, глядя им вслед, в то время как они прошли через паспортный контроль и скрылись из вида.

— Она потеряла и еще что-то,— ответила Айлин.

— А что именно?

— Не знаю, Кит. Что-то сугубо женское.

Я знал, в чем дело, и речь шла не о какой-то потере. Эйми все еще не могла избавиться от чувства, что каждый раз подвергается насилию со стороны этого своего всегда бодрого супруга, которого она считала типичным представителем американского мужского пола. И я подозревал, что Эйми становилось все труднее терпеть все это, сохраняя хорошую мину. Вот что подсказала Айлин ее женская интуиция. Ни нескладная одежда, ни чудная шляпка не заслонили правду от Айлин, но она не сознавала этого.

На следующий день после отъезда Эйми я, наконец, получил вести от Пипа. Но не в виде письма. Он прислал экземпляр своей книги «Будущее китайско-американских отношений». Я быстро пролистал ее.

В книге давался очень подробный анализ того, что происходит в Китае. Власть здесь была в руках четырех или пяти банкирских семей. Традиционная коррупция, эксплуатация населения и феодальная жестокость, захлестнувшие все слои местного общества, не оставляют городским массам и миллионам голодающих крестьян какого-либо другого выбора, кроме поддержки коммунистической революции. Как Эдгар Сноу и другие американские исследователи, Пип представил этот вывод как реальный факт, а не как свой взгляд на вещи. Будущее Китая, говорил он, очевидно и неизбежно связано с коммунизмом, и именно с этой неизбежностью должны пойти Соединенные Штаты на сделку, если они хотят сохранить какую-либо связь в дальнейшем с континентальным Китаем.

В этом анализе не было ничего необычного даже для тех времен, но необычное содержалось в заключительной главе, где он предсказал, что должно произойти в будущем, и в то время это казалось несерьезным. Пип заявил, что какими бы ни были краткосрочные установки американской политики, в отдаленном будущем Америка неизбежно станет союзником Китая, чтобы сбалансировать влияние русских. Больше того, китайские коммунисты сами будут стремиться к союзу с Соединенными Штатами, потому что их крестьяне, мелкая буржуазия, а также их узконационалистический коммунизм (это слова Пипа) отличаются от того, что есть в России, и все это неизбежно придет в столкновение с обычным западным или советским марксизмом. Вот что и сведет вместе капиталистическую Америку и коммунистический Китай, и хотя это ему не нравилось (лично он предпочел бы иметь в качестве союзника русских), такой ход событий неизбежен.

Это всплыло позднее, на одном из заседаний комиссии, где слушалось его дело и где один из ее членов выспрашивал Пипа по поводу прогнозов в его книге. Ответ Пипа был не очень благожелателен.

— Я не отстаиваю свою точку зрения,— заявил он.— Я просто говорю вам, что произойдет. Увы, сенатор, если доживете, будете первым приветствовать такую политику.

И в действительности американский сенатор стал-таки одним из самых первых приверженцев новой политики в отношении Китая — двадцать лет спустя. Но на заседании комиссии он взорвался, слушая Пипа, и заявил, что его арестуют за оскорбление конгресса, если он будет настаивать на возможности появления в будущем прокоммунистических симпатий у членов комиссии.

— Это вы находитесь здесь, чтобы отвечать на вопросы по поводу вашей лояльности,— говорил он,— а не члены комиссии.

— Тем не менее...— это было все, что смог рявкнуть в ответ Пип.

Комиссия использовала книгу в качестве доказательства его прокоммунистических симпатий, а также и все то, что он говорил в свою защиту, вместе с некоторыми компрометирующими высказываниями, взятыми из воспоминаний Террады об их дружбе. Вдобавок к этому два осведомителя, которые были прежде коммунистами, выступили перед комиссией с утверждением, что на собраниях коммунистической партии о Филиппе Ловелле говорили как о «прогрессивной и симпатизирующей влиятельной фигуре» в Белом доме. Когда появилась его книга, ее продавали всюду в книжных магазинах, принадлежащих компартии, и ее расценивали как дружеское издание — повторение того, что уже говорили другие осведомители о книгах Оуэна Латтимора.

После еще двух недель заседаний конгрессистской инквизиции стало очевидным, что в течение всех пяти лет пребывания в Белом доме влияние Ловелла на американскую политику носило подрывной, антиамериканский характер и вдохновлялось коммунистами. И несмотря на повторный вызов Террады защитником Пипа для дачи показания, несмотря на целый ряд остро поставленных Терраде вопросов и яростную перепалку, когда в итоге комиссия объявила о перерыве в работе, стало похоже, что министерство юстиции намерено вызвать Пипа в Высший федеральный суд для ответа на обвинения, которые должны быть подготовлены Генеральным прокурором.

По сути дела, Пип теперь был официально заклеймен как предатель.

Глава 10

В последующие месяцы дело Пипа превратилось в юридическую волокиту, ибо его адвокаты прибегали к любому предлогу и взывали к конституционным правам, чтобы дело не предстало перед Верховным федеральным судом. Я все-таки ухитрился получить ответ от него, всего лишь несколько строчек о том, что происходит. В письме чувствовалась горечь. Но не ощущалось ни капли жалости к себе, и он не паниковал, хотя жизнь была разбита. Никто не брал его на работу. Пипа предали анафеме и церковь, и газеты, и организации ветеранов войны, и политические деятели. Книга его была запрещена почти во всех публичных би-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5—10.

Сотрудники Физического института АН СССР В. Татаринцев, В. Осико и В. Александров обсуждают результаты эксперимента ● Ограненные кристаллы ● Аспирант О. Алимов измеряет спектроскопические свойства лазерных кристаллов ● Здесь выращивается фианит ● В лаборатории, где на автоматизированных установках создаются кристаллы для лазерной и вычислительной техники ● А. Свириденков, старший мастер участка выращивания кристаллов.

блиотеках США, а в Милуоки ее сожгли на костре у входа в библиотеку. В Бостоне два молодчика сбили его с ног, а хозяин дома, где он снимал квартиру, добился постановления суда, запрещающего Пипу дальнейшее проживание там, хотя срок договора еще не истек.

Он никогда не упоминал в письмах ни Терраду, ни Джуди, ни сына, но где-то в конце одного письма было несколько теплых слов об Эйми: «Они с мужем живут в Нью-Йорке, и, мне кажется, она пытается снова восстановить свои добрые отношения с лошадьми. Она разгуливает в бриджах и коротко остригла волосы».

— Ну, что я тебе говорила?— прочитав эти строки, сказала Айлин.

— Будем надеяться, что все у нее образуется,— сказал я.

Ничего в ее жизни не образовалось. В одно воскресное утро, когда Джек ушел играть в сквош в каком-то клубе, Эйми покончила с собой.

«Она не оставила никакой записки, вернее, Джек ничего не нашел,— писал Пип.— Джек сказал, что они ссорились, но не больше обычного. А прежде чем перерезать себе вены, она молотком переколотила все тарелки. Выложила их на пол и била одну за другой. Одни тарелки — и больше ничего. Все это необъяснимо, как необъяснима ее привязанность к этим проклятым и глупым лошадям».

Вот и все, за исключением, возможно, настораживающей фразы в конце: «Не спрашивай меня ни о каких деталях, я не хочу об этом говорить».

Еще он добавил две строки о себе. Он продолжал бороться против обвинительного акта и собирался подать в вашингтонский суд на Лестера Терраду за клевету и оскорбление личности. «Они не дали мне возможности разоблачить его на заседании комиссии,— писал Пип.— Теперь я возьмусь за него в гражданском суде. Все говорят, что у меня нет надежды выиграть дело. Но по крайней мере я смогу показать, что он негодяй, лицемер, лжец и продажный доносчик. В конце концов он получил за это награду, не так ли?»

Тогда мне показалось, что сообщение Пипа об Эйми было настолько скупым, что граничило с безразличием. Меня так потрясла и расстроила ее смерть, что какое-то время я думал, что меня это больше затронуло, чем Пипа. Несколько лет спустя Пип докажет, что я был неправ. Тогда же Айлин, плача, приговаривала: «Бедная Эйми, бедная девочка!..» А я бродил по комнатам, недоумевая, что заставило ее решиться на такой шаг, пока Айлин это не надоело и она выпалила:

— Ну, ладно, ладно. Так почему же она это сделала?

Я не хотел казаться слишком умным, но считал, что знаю ответ, и по глупости, не подумав, заявил:

— Эйми слишком часто подвергалась насилию.

— Какая чепуха,— сказала Айлин.— Это не объясняет, почему она покончила с собой.

Поскольку у Айлин был практический склад ума, она начала искать другую альтернативу.

— Если бы только Пип бросил Джуди и ушел к Эйми, все было бы иначе.

Мне всегда хотелось, чтобы так произошло, и особенно остро я это ощутил, когда прочитал в «Тайме», что Джуди бросила Пипа.

Она сообщила об этом, выступая в Вашингтоне на митинге, устроенном организацией «Дочери американской революции». Как и Лестер, она говорила о том, что безуспешно пыталась заставить Пипа отказаться от своих подрывных и опасных идей и мыслить как нормальный и достойный американец. Она сказала, что уходит от него не только для блага Америки, но и ради блага своего сына, ради его будущего как гражданина США. Для маленького Лестера не могло быть нормального будущего, пока отец его отказывается объявить себя лояльным американцем, отречься от своих прокоммунистических симпатий.

— Я надеюсь, он пристрелит ее,— сказала Айлин.

— Пипа самого кто-нибудь пристрелит.

— Значит, ему быстрее надо убираться из Америки,— сказала Айлин.— Хотя бы на время.

— Они его не выпустят,— сказал я.

— Но ведь он может как-то выбраться оттуда.

— Какая в этом польза? Сомневаюсь, что британские власти разрешат ему остаться здесь, даже если ему удастся пробраться сюда.

— Почему ты не напишешь ему и не спросишь? —предложила Айлин.

Я так и сделал, но и на это письмо Пип не ответил. Он вообще перестал писать, и о ходе его дела я знал только из печати. О том, что он предъявил Терраде иск за клевету, я нигде не читал. Лишь много позже я узнал, что он не мог найти ни одного адвоката, который взял бы на себя смелость предъявить иск Терраде. Даже его верный защитник, который боролся за отмену обвинительного акта против него, не рискнул это сделать. Постепенно имя Пипа начало исчезать со страниц американской прессы, поскольку начали появляться новые, более сенсационные дела. Среди них дело Альгера Хисса, которое было гораздо серьезнее. На него уже был составлен обвинительный акт на основании показаний Унтеккера Чаймберса, также работавшего для «Тайма», и уже шла ожесточенная борьба вокруг Оуэна Латтимора. Таким образом, я все меньше и меньше получал информации о Пипе.

Между тем мы с Айлин переехали в Париж, где уже проживало больше дюжины американских изгнанников, бежавших от маккартизма. В основном это были голливудские сценаристы, режиссеры, актеры и другие жертвы, вроде знаменитого американского специалиста в области фотографии Пола Стренда. Никто из них не знал лично Пипа, и, насколько я мог догадываться, он просто исчез в этой развязанной маккартистами американской заварухе.

Глава 11

Но к этому времени Европа тоже была втянута в холодную войну наравне с Америкой, так что американским беженцам в Париже жилось ненамного легче, чем у себя дома. Меня это не касалось, но мои голливудские друзья должны были сплотиться в некие анонимные группы, чтобы выжить. Паспорта у всех были недействительны, и, хотя французское правительство терпело беженцев и выдавало им вид на жительство, тревог и забот у них хватало. Работать они могли лишь под покровом глубокой тайны и не только затем, чтобы избегать неприятностей с французскими властями. Об их работе не должны были знать и американцы, у которых они были занесены в черные списки и до сих пор преследовались.

В такой ситуации оказался Пип, когда появился в Париже.

Я тогда жил на улице Монж и по утрам писал, сидя в открытом кафе под названием «Золотое солнце» рядом с мостом Сен-Мишель со стороны острова Сите. В основном сюда приходили адвокаты из Дворца правосудия, который находился за углом. Был здесь и телетайп, передающий коммерческие новости, под стеклянным колпаком, похожий на сооружение времен Эмиля Золя (если только они имели телетайпы в то время). Но это было тихое солнечное местечко, и я спокойно работал, попивая кофе с вермутом, и, когда невесть откуда появился Пип, был не просто удивлен. Мне казалось, что мы разыгрываем какую-то сцену из французского фильма.

— Как ты меня нашел?— с любопытством и настороженностью спросил я, когда мы обменялись приветствиями.

— Кто-то сказал мне, что ты в Париже, и дал твой адрес. Я заскочил, и Айлин сказала, где тебя найти.

— Когда ты прибыл сюда? Я имею в виду Европу.

— Неделю назад.

— Но откуда же, ради бога?

— Из Канады.

— И они просто вот так выпустили тебя из Штатов?

— Ну, не совсем так.

Пока что Пип говорил сдержанно, но потом немного расслабился. Он рассказал мне, что выбрал один из наиболее бойких участков на границе возле Детройта и просто перешел через мост Виндзор в Канаду незамеченным. Паспорт был еще действителен. Канцелярия генерального прокурора потребовала его сдачи, но Пип отказался.

— Срок истекает через месяц, и поскольку я знаю, что они никогда не продлят его, то подумал, что будет лучше убраться как можно дальше, пока у меня еще есть такая возможность.

Прошло почти пять лет с тех пор, как я видел его в последний раз, и почти год со времени получения его последнего письма. Так что образовался большой разрыв между тем Пипом, которого я знал, и нынешним. Он походил на потрепанное пугало. Лицо его будто высохло, он постарел, а его когда-то искренний и доверчивый взгляд затмила какая-то обезличенная горькая подозрительность, будто, взирая на мир, он ничему уже больше не хотел верить.

Мы сидели за маленьким мраморным столиком, и я спросил его, где он живет. Он ответил, что у него есть комната позади Школы Изящных Искусств.

— Шесть футов на четыре. С линией метро подо мной и двумя протекающими туалетами наверху.

Я засмеялся, но Пип даже не улыбнулся, и я понял, что старого беззаботного Пипа уже нет. Даже несколько проведенных с ним минут сказали мне много.

— Ты случайно не знаешь хорошего дешевого французского юриста?— спросил он, когда я заказал ему кофе.

— Нет, а зачем тебе?

— Они говорят, что я должен запастись им, чтобы получить вид на жительство, когда кончится срок действия паспорта.

— Ты действительно так думаешь?— И я рассказал ему, что другие американские изгнанники разработали специальную систему, как улаживать подобные дела с французскими властями, и она неплохо действует.

— Почему бы тебе не поговорить с ними?— предложил я.

Он потягивал свой кофе.

— Я не хочу связываться с американцами,— сказал он.— Наверняка среди них есть мерзавец, который сообщит обо мне в ФБР.

— Только не среди этой компании,— возразил я.

На этот раз он засмеялся, но это был не открытый веселый смех, а похожий на сухой легкий кашель.

— Ты все такой же, Кит. Всегда верен своим друзьям.

— А как же иначе?— сказал я как можно бодрее.

— Не обращай на меня внимания,— ответил он.— Я все еще колючий, но со временем это пройдет.

— Выглядишь ты неплохо,— сказал я.

— Я выгляжу так, словно меня с ног до головы облили дерьмом, и так же чувствую себя.

Он спросил меня об Айлин и поздравил с рождением сына Дика, которым Айлин уже успела похвастаться.

— Ты, наверно, хочешь узнать о Джуди,— сказал он.

Я признался, что хочу, только не знал, как удобнее спросить.

— В будущем месяце Джуди выходит замуж за Терраду,— сказал он.

— Я знал, что она тебя покинула, но не знал, что дело зашло так далеко.

— Она ухитрилась получить самый быстрый развод, когда-либо зарегистрированный в штате Нью-Йорк. Они с судьей, который вел дело, получили истинное наслаждение, обдирая меня как липку. У меня отняли даже сына.

— Как же так? Что они сделали с мальчиком?

— Учитывая присутствие на суде полудюжины газетчиков, судья решил изобразить из себя верноподданного гражданина.

Он заявил, что любое общение мальчика со мной исключает возможность его воспитания в духе преданного американца. Так что мне запретили вообще с ним видеться. Теперь Джуди собирается возложить обязанности отца на Терраду.

— Джуди никогда не упустит свой кусок мяса,— сказал я.

— Я не думал, что она хотела так много,— сказал мрачно Пип.— Во всяком случае, не сына. Но ведь ты ожидал от нее чего угодно. Она всегда тебе не нравилась.

— Дело не в том, нравилась она мне или не нравилась,— запротестовал я.— Я просто всегда считал, что она тебе не пара. Вот и все.

— Ты всегда считал меня слабохарактерным и неумным, не так ли?

— Нет, просто ты был неправ, Пип. Тебе надо было жениться на Эйми.

— А, замолчи,— спокойно сказал он.

— Извини, но я действительно так считаю.

Наблюдая за Пипом, я все думал, как вести себя с ним, и решил, что он нуждается в хорошей встряске, а не в жалости, и я думаю, он сам считал, что для него так лучше. Но, даже несмотря на мою попытку встряхнуть его, он не стал говорить ни об Эйми, ни о Джуди.

— Этот этап моей жизни завершен,— сказал он.— И я хочу как можно быстрее о нем забыть.

— Ну, ладно, ладно. Я не буду упоминать об этом больше. Но как ты дальше собираешься жить в Париже?

— Пока еще не знаю. У меня осталось немного денег, о которых Джуди не знала. И есть тетка в Блуа, которая ко мне хорошо относится. Но надо найти работу, если это возможно. Ты случайно не имеешь чего-нибудь на примете?

— В этом вопросе я малосведущий человек. У меня мало знакомых французов, и это не те, кто сейчас нужен.

— Да я и не французов имел в виду, Кит. Я не так уж силен во французском языке. Я имел в виду... что-нибудь... Черт возьми, я и сам не знаю, что я имел в виду. Когда-то в Европе у меня было много друзей. Что-нибудь я себе подыщу.

Мы покинули «Золотое солнце» и пошли по мосту. На полпути он остановился и, облокотившись на перила, посмотрел в сторону собора Нотр Дам.

— Ты знаешь, Кит,— сказал он,— когда мне было лет тринадцать, я лежал с желтухой, и мать читала мне «Собор Парижской богоматери». Я ненавидел каждое слово. Наверно, желтуха так действовала на меня. И каждый раз, когда я смотрю на эту громадину, я думаю, сколько же еще понадобится времени, чтобы я эту книгу полюбил.

— Какое это имеет значение?— сказал я.— Зачем тебе ее обязательно любить?

— Я и сам не знаю. В ней что-то настолько угнетающее и типично французское, что мне кажется, я не буду здесь, в Париже, счастлив до тех пор, пока не избавлюсь от чувства безнадежной депрессии, входя в это проклятое сооружение.

— Черт возьми, Пип. Ведь не будешь же ты ходить всю жизнь с таким настроением! Оно пройдет.

— А может быть, и не пройдет. Во всяком случае, в одном я уверен,— сказал он просто.— Я знаю теперь, что никогда не захочу увидеть снова Америку.

— Это у тебя тоже пройдет,— твердо сказал я, следуя своему курсу на жестокость.

— Не думаю,— сказал он почти без всякого сожаления, и меня это даже потрясло тогда.— Моя Америка умерла навсегда, Кит. Или лучше сказать, она погибает в результате того, что подверглась, образно говоря, грубому животному осеменению, которое (я раньше так думал) должно было ее спасти. Но я оказался чертовски неправ.

Я не знал еще, как расценивать ниспровержение с пьедестала великой нации и великой республики. Пип говорил об этом слишком спокойно, чтобы его слова можно было объяснить естественным в его положении чувством горечи. Я решил подождать и посмотреть, что он скажет после нескольких недель, проведенных в безопасном убежище здесь, в Париже.

Мы пошли дальше, и я пригласил его к нам на обед. Он отказался, потому что, по его словам, не хотел вносить сумятицу в домашний распорядок Айлин.

— Лучше пригласи меня в другой раз, предварительно согласовав это с Айлин.

Он по-прежнему оставался тактичен и внимателен. Я записал его адрес и номер телефона, а он пошел своей припрыгивающей походкой по бульвару Сен-Мишель. Я обратил внимание на его одежду. Пип всегда носил дорогие, хорошо сшитые по его тонкой и гибкой фигуре костюмы. Сейчас он по-прежнему был в хорошем костюме, который, однако, висел на нем свободно. Внешне он будто вновь обрел облик жилистых парней из Новой Англии, обитающих в открытых всем ветрам местах атлантического побережья, закаленных самой жизнью, с обветренными, загорелыми лицами. Когда я смотрел, как он шел, то было пожалел его: «Эх, ты, бедолага». Но тут же передумал: Пип не выглядел побитым.

Через два дня он пришел к нам в гости, и, вдоволь навозившись с нашим сыном Диком, заявившим ему, что у него не колени, а «мешок с костями», показал нам последнюю фотографию маленького Лестера. Мальчик на снимке выглядел очень серьезным, даже угрюмым. Пип рассказал Айлин, что после того, как они после развода вышли из зала заседаний, Джуди великодушно предложила Пипу ежегодно присылать фотографию мальчика, снятую в день его рождения.

— Чтобы я знал, как мальчик растет...

— Надеюсь, ты поддал ей за это?

— Ну, зачем же так,— сказал он сухо.

— Я думал, что ты поставил крест на том этапе своей жизни,— сказал я ему.

— Неужели я это говорил?

— Да, говорил.

— Значит, я полный дурак,— сказал он. Потом с горечью посмотрел на фотографию сына и неожиданно, прежде чем мы могли его остановить, разорвал ее.

— А ведь ты прав, Кит. Я действительно со всем тем покончил.

Но настроение у него было неплохое, а аппетит, как всегда, отменный. Он выпил три аперитива перед обедом и четыре или пять бокалов вина за столом, так что он немного разомлел, когда мы сели в маленькой гостиной пить кофе. Он рассказал нам кой-какие подробности о заседании сенатской комиссии по его делу и о своей последующей борьбе, чтобы не попасться в лапы Верховного суда. Мне пришлось оставить его одного с Айлин на десять или пятнадцать минут, потому что Дик был не совсем здоров (впоследствии оказалось, что это корь), и наступила моя очередь уговаривать его идти спать. Когда я вернулся, то понял, что он сказал ей что-то такое, чего не сказал бы мне. Но я не знал о ком — о Джуди или Эйми. Оказалось, что об Эйми.

Но вот что он хотел сказать мне, так это о своих изменившихся взглядах по поводу судьбы Америки. Помня о его великолепном даре давать реальную оценку происходящему, я спросил его, что, по его мнению, произойдет с Соединенными Штатами, если будет продолжаться искоренение всяческой оппозиции современными институтами власти.

— Я даже не знаю, что следует ожидать. Я только знаю, о чем сожалеть,— ответил он.

— Всегда есть много такого, о чем можно сожалеть,— отозвался я.— Но это не объясняет происходящего.

— Обстановка сейчас стерильная,— сказал он.— Так что ничего не происходит.

— Я полагал, что вся эта чертова страна должна находиться в брожении,— возразил я.

— Она и находится,— сказал Пип.— Но лишь потому, что она отдала себя на суд средневекового крестьянства со всей его моралью и социальным варварством, которое исторически абсолютно никак не связано с Америкой. Ничего, кроме невежества и предрассудков, они не принесли с собой, мерзавцы. Да еще, пожалуй, примитивные мифы о Великой Республике, которые они себе вбили в голову. Это зубы дракона, Кит. Они научились читать и писать и сколачиваться в кланы, где не допускается никакое инакомыслие. И они, таким образом, считают себя образцом свободного общества, когда на самом деле они не что иное, как носители идеологического месива, которое используется для разрушения того малого, что еще осталось от первоначальной республики.

— Боже мой,— сказал я.—Ты говоришь так, будто отрекся от людей, которых ты всегда называл настоящей начинкой Америки: все эти превосходные отбросы с перенаселенных дальних берегов.

— Я в них уже не верю. Я даже в самого себя не верю. Вот так-то!

— В этом случае Террада выиграл ваш спор,— подвел итог я.— Ты ему все передал.

— Конечно,— ответил он.— Он самая яркая иллюстрация к тому, о чем я говорил. Разве я не пытался убедить его и всех ему подобных, что они могут измениться лишь тогда, когда отдадут себе отчет в том, кто они такие? Но я был чертовски глуп, Кит, и ослеплен своей дурацкой верой в народные массы. Я считаю, что Америка перестала быть Америкой после того великого переселения. После того как нахлынула сюда эта беспорядочная толпа, жаждущая свободы. Это они создали миф, Кит, вернее, миф был придуман для них.

— Я этому не могу поверить,— сказал я.— Ты становишься желчным.

— Ничего подобного,— возмутился он.— Просто я восстановил способность здраво мыслить, и это все. Единственная Америка, которую я все еще уважаю, лежит где-то около тех первоначальных тринадцати колоний, и я считаю, что она существовала, может быть, лишь тридцать лет после войны за независимость.

— Это говорит в тебе твоя голубая кровь,— стоял я на своем.— Ты становишься реакционером.

— Я становлюсь тем американцем, каким был рожден,— сказал он несколько раздраженно.— И теперь, слава богу, я горжусь этим, а все остальное пусть катится к черту.

Я, конечно, сделал скидку на аперитивы и вино, но я знал: Пип всегда говорил то, что думал. У него теперь появилась манера говорить сухим тоном и твердо — каким и сам он хотел быть.

— Жаль, что ты изменил свою точку зрения,— сказал я.— Ведь много лет тому назад ты убедил меня в том, что ты был прав. По сути дела, я всегда смотрел на Америку, как ты учил меня.

— Я тоже,— сказала Айлин.

— Я не хочу вас переучивать,— сказал Пип.— Вы не американцы, и эти мерзавцы не смогут сделать с вами того, что сделали со мной.

Он наклонился, поцеловал Айлин и сказал, что ему пора идти домой.

Он ушел, слегка пошатываясь, но у него был такой вид, будто он был доволен, что встряхнул нас немного. Почему бы и нет? Я думаю: в тот вечер по дороге домой он над чем-то подсмеивался, если слово «смех» для этого подходит. Он явно над чем-то подсмеивался.

— Он так убедителен,— сказала Айлин, когда он ушел и мы отправились мыть посуду.

— Удивительно, почему все американцы с таким пристрастием относятся к Америке,— сказал я.— Наверное, сказывается чрезмерное потребление апельсинового сока.

— Он мне рассказал об Эйми.

— Да?

— Ты знаешь, что Джуди потребовала вскрытия тела? Она была уверена, что Эйми принимала наркотики; иначе почему, мол, она перерезала вены и разбила тарелки.

— Я этому никогда не поверю.

— Она не была наркоманкой. Она была беременна.

— Ты хочешь сказать, что из-за этого она покончила с собой?

— Кто знает. Как Пип говорит, Джек заявил, что если она и была беременна, то не от него. А записку она все-таки оставила. Ее нашли, и из-за нее у Пипа и Джуди возникли большие осложнения. Это была единственная записка, которую она оставила, и она была адресована Пипу. В ней говорилось, что она не хочет делать того, что делает, но что еще можно придумать, если мир настолько мерзок.

— Но почему это привело к таким осложнениям между Пипом и Джуди?

— Да потому, что Джуди считала, будто Эйми забеременела от Пипа.

— Я не склонен этому верить.

— Ты можешь не верить,— сказала Айлин,— но Пип жалел, что он этого не сделал. Он убежден, что она не знала о своей беременности. Если бы она знала, она бы никогда себя не убила. Он сказал, что у Эйми были глубокие моральные принципы, и она предпочла бы перенести любой позор, чем убить нерожденного ребенка. Он уверен, что она хотела покончить только с собой. И он не думал, что это имело касательство к ее угрызениям совести или представлению о совершенном грехе, или еще к чему-то подобному. Она просто хотела покончить с той жизнью, которая ее не устраивала, и поскольку она была женщиной практичной, то, с ее точки зрения, она поступила верно. Он думает, что дело с тарелками было своего рода каким-то вызовом, Кит. Но истинная трагедия заключается в том, что Пип считает — все было бы иначе, если бы он сам хоть в малейшей степени догадывался, что с ней происходит.

— Что он имеет в виду?

— Не знаю, но это были точно его слова.

Я положил на стол блюдо, которое вытирал, и подумал, смогу ли я еще когда-нибудь смотреть на тарелки, не вспоминая об Эйми, как сейчас.

— Если ни Джек, ни Пип не были отцом ребенка,— сказал я,— какому же новому насилию подверглась ее натура! Она, наверное, была в полном отчаянии, бедная девочка...

Мы уже достаточно оплакали Эйми и фактически переключились на Пипа. Что он имел в виду, когда говорил, что хотел бы быть отцом ее ребенка? Было ли это сказано просто так или он действительно хотел, чтобы с Эйми сложились такие отношения? С другой стороны, он был так занят собственными неприятностями, что не мог ожидать от нее ничего большего, чем их старой дружбы. Может, он сожалел, что их дружба не переросла в нечто большее? Что не порвал со своей прежней жизнью и не создал новую вместе с Эйми?

В одном мы не сомневались. Если бы с Пипом была Эйми, он не был бы одиноким человеком, который сейчас, как старый серый волк, бродит по парижским бульварам, никому не доверяя, отсекая от себя все прекрасное, во что он когда-то верил, не зная, куда он идет и в чем теперь заключается суть его жизни.

Перевод с английского Т. ОРЛОВОЙ.

Продолжение следует.

НИ ОТ КОГО ДРУГОГО...

В бесконечно разнообразных героинях произведений Людмилы Уваровой ненавязчиво, но отчетливо выступает роднящая их черта: свое счастье видят они в том, чтобы «оказаться кому-то очень нужной, самой необходимой на свете, чтобы в ней нуждались, чтобы от нее защиты и помощи ждали, от нее одной, ни от кого другого...» Иногда это стремление проявляется в дружбе — об этом повесть «Семейное положение», чаще в любви, и об этом почти весь сборник «Забот полон рот».

Рассказ, давший заголовок книге, может быть, в ней и не сразу заметен, но во многом определяет ее тональность. Тема его — дочерняя любовь, побудившая молоденькую девушку полностью взять на себя заботу о матери, ибо та — неудачливая актриса, по сути своей,— большой ребенок — беспомощна в житейских делах. Судьба Наташи только еще складывается, но характер уже определился, и легко себе представить ее последующие взаимоотношения с людьми.

Та же самоотверженность, но в куда более драматичных обстоятельствах присуща героине рассказа «Отчим». Ценою мучительных переживаний, отравивших ей светлые годы отрочества, Ляля скрывает от матери безобразную правду о «самом любимом, самом главном человеке в ее жизни», не желая лишать мать иллюзий, с которыми ей «теплее и легче».

Любя самоотреченно, героини и герои Людмилы Уваровой отнюдь не слепы: они видят и слабости и подчас весьма серьезные недостатки своих любимых. И любовь эта творит чудеса — на всю жизнь останется единственным в памяти красавицы Нюши немолодой и некрасивый Велизарий Павлычко, сумевший преодолеть все силою своего удивительного сердца (повесть «Нюша»).

Рассказы и повести Уваровой посвящены главным образом одной теме — исследованию человеческой любви, все отдающей и не только не требующей, но даже и не ждущей ничего взамен. Писательница рассматривает такие жизненные обстоятельства, решение которых в пользу любящих невозможно, так как должно быть оплачено страданиями других. А речь идет о людях цельных и глубоко порядочных, для которых подобная цена собственного счастья просто немыслима. И выходит, что в книге раскрываются судьбы трудные, но прекрасные, освещенные огнем высокого чувства.

Не следует, однако, думать, что предметом внимания автора является только личная жизнь героев. Мы видим их и в работе, среди коллектива, в окружении друзей. И здесь они обнаруживают ту же цельность, ту же самоотдачу в труде, как и в любви, ту же стремительную готовность прийти на помощь товарищу.

Книга Людмилы Уваровой привлекает внимание верностью правде жизни и душевной красотой героев — наших современников.

Н. ЦВЕТКОВА

Людмила Уварова. Забот полон рот. Повести, рассказы. М., «Советский писатель», 1978, 480 стр.

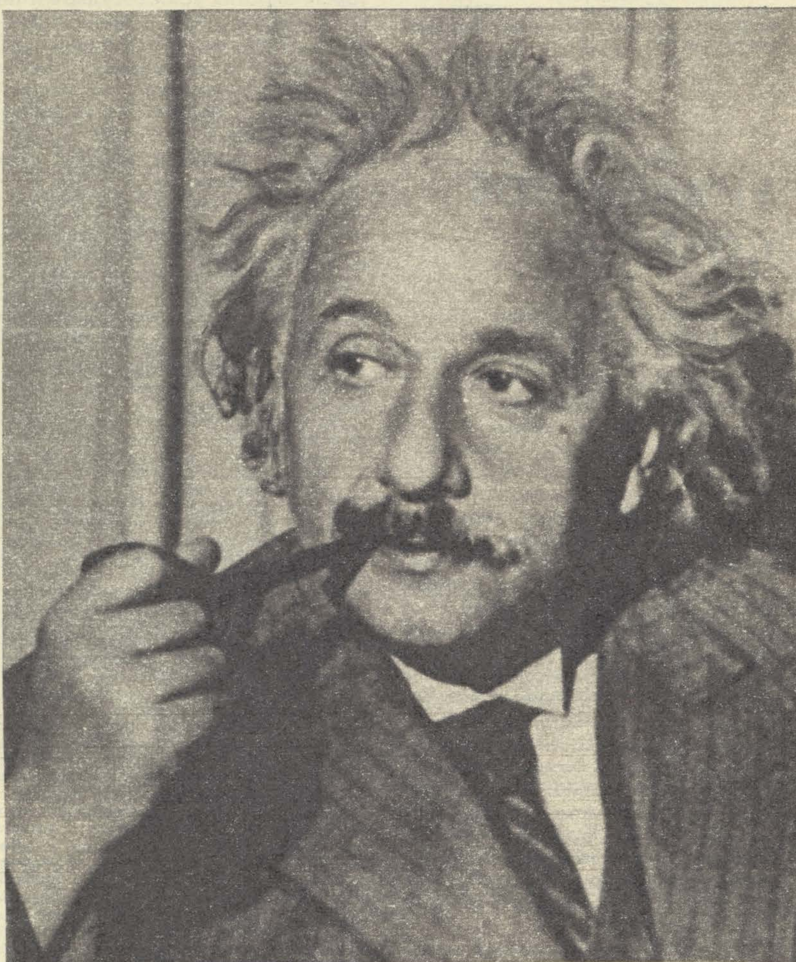
К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ГОД ИЗ ЖИЗНИ ЭЙНШТЕЙНА

Ирина **РАДУНСКАЯ**

Смысл жизни, как бы коротка и опасна она ни была, можно найти только в служении обществу.

Альберт Эйнштейн

1905 год... Волна народных волнений прокатилась по миру и вылилась в революцию в России. Это был год пробуждающегося сознания широких народных масс, год, богатый событиями — заметными, сразу сказавшимися на судьбах современников, и незаметными, что отозвались лишь через десятилетия.

Среди незаметных событий затерялись и пять научных статей, посланных из тихого швейцарского города Берна в редакцию берлинского журнала. Они дали толчок, повлекший за собой радикальное преобразование основ науки, какого не было за всю историю человечества.

Автором всех этих статей был совершенно неизвестный служащий — эксперт «Бюро духовной собственности» — так называлось тогда швейцарское патентное бюро.

Эксперту исполнилось 26 лет. У него были умные веселые глаза, становившиеся грустными, когда он вспоминал покинутую им родную Германию, где ему не удалось окончить гимназию — учитель немецкого языка сказал: «Из вас, Эйнштейн, никогда ничего путного не выйдет». А куратор старших классов вызвал его и попросту предложил покинуть гимназию, так как его присутствие разрушает у учащихся чувство уважения к школе: ученик не признавал авторитетов, был строптив и упорен, на замечания отвечал с язвительным достоинством.

Эйнштейну еще не раз придется столкнуться в жизни с двойниками этого куратора. Многие будут упрекать его в неуважении к авторитетам, в разрушении основ науки... Его, величайшего созидателя.

А пока тяжелые времена («Нужда была так остра, что я не мог размышлять ни над одной абстрактной проблемой», — напишет он потом) кончились. Он имеет постоянную службу. Он весел, играет на скрипке, он может думать!

Сегодня об огромных достижениях Эйнштейна в науке известно всем. Но не все знают, что самым важным в его жизни был именно этот, 1905 год. О нем я и хочу рассказать.

За конторкой патентного эксперта расцвел гений. Гений, не признанный тогда официальной наукой. Гений, не удостоенный даже докторской степени, степени, присуждавшейся в европейских университетах практически каждому рядовому ученому.

Двадцатишестилетний ученый выполнил несколько основополагающих исследований. Первое возникло из непризнанной, никем не понятой работы Планка, открывшего кванты энергии. Завершив работу, Планк осознал, что ее выводы противоречат основам общепризнанной физики, понял ее взрывчатую силу и остановился. В течение пяти лет ни он, ни другие ученые не отваживались признать эти результаты. Эйнштейн же увидел необходимость идти еще дальше.

Когда 17 марта 1905 года статья Эйнштейна была закончена, каждый мог узнать, что свет не только излучается и поглощается конечными порциями, как предположил Планк, но и распространяется в виде неделимых квантов энергии, которые теперь называют фотонами.

Каждый мог это прочесть, но никто не сумел понять. Вывод был столь неожидан, столь радикален, что его испугался сам Планк, отец квантов. И еще через семь лет, представляя Эйнштейна в Берлинскую Академию наук, он вместе с другими крупнейшими учеными просил «не ставить Эйнштейну в вину» его теорию световых квантов.

Эта теория, на основе которой впоследствии де Бройль создал волновую механику частиц, на фундаменте которой возникла вся квантовая физика с теорией атомов и элементарных частиц, с лазерами и мазерами, о которых теперь знают даже школьники младших классов, многие годы считалась заблуждением!

Поражает быстрота, с которой Эйнштейн работает. Всего полтора месяца понадобилось ему, чтобы завершить, пожалуй, самую важную из его работ. В ней он разрешил парадокс своей юности, скрывавший в себе зародыш теории относительности. Вот что он пишет об этом сам: «Парадокс заключается в следующем. Если бы я стал двигаться за лучом света со скоростью света, то я должен был бы воспринимать такой свет как покоящееся, переменное в пространстве электромагнитное поле. Но ничего подобного не существует».

Парадокс, поразивший Эйнштейна, когда ему было всего 16 лет, не давал ему покоя десять лет. Он понимал, что догнать световую волну и увидеть ее неподвижной невозможно. Теперь он осознал, что необходимы дальнейшие шаги. Следует признать, что не только большие тела, но и мельчайшие частицы вещества не могут двигаться со скоростью света. Что скорость света в пустоте постоянна и неизменна. Что законы природы объективны и не зависят от наблюдателя и его движения. Все это Эйнштейн принял за основу вопреки всей научной практике прошлого, всей укоренившейся системе знаний. Дальше требовалась только «техника», здесь ее роль играла филигранная математика.

Это была революция в науке. И если потом ее историки начали делить время на две эры: до Эйнштейна и после Эйнштейна, то рубежом служит 30 июня 1905 года, когда итог его труда — небольшая статья достигла редакции журнала, известив мир о том, что родилось новое мировоззрение: природа подчиняется принципу относительности.

А 27 сентября того же года, как эхо отдаленного взрыва, в редакцию пришла заметка того же автора всего на трех страницах. Теперь-то мы знаем, что в них таилась разрушительная сила атомной бомбы и созидательная сила атомной энергетики...

Прошло 40 лет, и степь в штате Нью-Мексико потряс взрыв атомной бомбы. Эйнштейн не принимал участия в ее создании. Но он обращал внимание президента Рузвельта на то, что нацисты пытаются изготовить такую бомбу. Эйнштейн тщетно пытался предотвратить трагедию — использование открытия науки для уничтожения людей. Но политические мотивы оказались для правительства США сильнее. Хиросима и Нагасаки вечно останутся пятнами позора на совести тогдашних правителей Америки.

После фонтанирующего открытиями 1905 года Эйнштейн продолжает интенсивно работать. Он понимает, что сделанное им — только начало. Главное, чему он посвящает силы в последующие годы,— расширение использования принципа относительности. В результате трудов ученого природа сил тяготения, считавшаяся величайшей загадкой природы, была объяснена. Непонятные аномалии движения планет стали простым следствием теории тяготения. Вся механика Ньютона оказалась частным случаем общей теории относительности.

Особенно потрясли воображение ученых два предсказания Эйнштейна. Первое то, что луч света, этот символ прямолинейности, должен искривляться, проходя вблизи больших масс. Например, вблизи Солнца. Второе — часы должны идти медленнее вблизи больших масс, чем вдали от них.

Это был, пожалуй, единственный случай в истории науки, когда воображение отказывалось следовать за сухими математическими формулами. И вот 22 сентября 1919 года Эйнштейн получил телеграмму: «Эддингтон обнаружил смещение звезд у края Солнца... привет, Лоренц». А ведь это открытие английского астронома предсказано теорией относительности.

Слава Эйнштейна охватила весь мир, все круги общества. О теории относительности беседовали в гостиных и пивных, в трамваях и школах. О ней рассказывали анекдоты. Но то, что после прихода к власти Гитлера фотография Эйнштейна была помещена в альбом

главных врагов национал-социализма с надписью «еще не повешен», а теория относительности объявлена большевистской наукой, не анекдот.

Несмотря на мировую славу и на преследования мракобесов, труженик продолжает работать. Он поставил перед собой цель, казавшуюся поистине гигантской — создать теорию, способную объяснить все детали мироздания: от строения мельчайших частиц до устройства Вселенной. Теория должна была быть настолько очевидной, чтобы ее мог понять даже ребенок,— так хотел Эйнштейн.

Он не справился с задачей, хотя работал над ней около сорока лет. Несколько раз ему казалось, что он видит правильный путь и близок к цели. Он делился своей радостью и своими результатами с коллегами. Но как только ему указывали ошибку или он обнаруживал ее сам, признавал это без оговорок и начинал все заново. Это одна из его замечательных особенностей.

...К старости он изменил свои привычки. Еще мать привила ему любовь к музыке. Он часто музицировал с друзьями. Но когда дело его жизни потребовало полной отдачи и он почувствовал, что жизнь коротка и времени не хватает, он оставил даже игру на скрипке — слушал лишь граммофонные записи, помогавшие работать и переключаться. Он совершенно не уделял внимания одежде, светским обязанностям. Друзья беспокоились: у Эйнштейна стали такие грустные глаза...

Задача, поставленная Эйнштейном, не преодолена и поныне. В ее решении участвуют многие ученые. Старые и молодые. Теоретики и экспериментаторы. Время от времени им представляется, что они близки к цели. Но каждый раз надежда оказывается тщетной.

...Как же случилось, что мудрец, витавший, казалось бы, в абстрактных, далеких от повседневности сферах, так прочно занял место в сердцах людей?

Он был мудрец не только в области науки. Он зорко видел все, что происходит на Земле. Он умел отличить зло от добра, даже когда оно рядилось в одежды добра.

Дав человечеству прозрение тайн Вселенной, Эйнштейн считал, что «самый важный вопрос... по сравнению с которым все прочие кажутся незначительными, это вопрос о войне и мире».

И теперь мне кажется не случайным, что именно 1905 год, ставший трамплином для революционного скачка в социальном творчестве народных масс, так много значил и в творчестве Эйнштейна. Он сразу же поверил Октябрьской революции и ее вождю Ленину. «Я уважаю в Ленине человека,— писал Эйнштейн,— который с полным самоотвержением отдал все свои силы осуществлению социальной справедливости. Люди, подобные ему, хранят и обновляют совесть человечества».

Страницы минувшего

ДАР

В прошлом году, когда весь мир отмечал 150-летний юбилей Льва Николаевича Толстого, музеи пополнились новыми материалами о жизни и творчестве великого русского писателя. Среди наиболее интересных поступлений Государственного музея Л. Н. Толстого коллекция, безвозмездно переданная московским журналистом И. А. Полонским. Об этом даре рассказывают читателям «Огонька» сотрудники музея.

УНИКАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

В одном из залов Государственного музея Л. Н. Толстого посетители всегда задерживаются у шкафа с новыми поступлениями. Они с волнением всматриваются в благородные черты скульптурного портрета Толстого, выполненного Трапасси (1910-е гг.) из белого и розового мрамора. Внимание привлекают также старинные миниатюры с изображением Кутузова, генерал-губернатора Москвы Растопчина и других исторических лиц, описанных Толстым в его произведениях; сатирические офорты Теребенева 1812 года; панорама Москвы — литография Лемерсье второй половины XIX века и много других интересных и значительных экспонатов, о каждом из которых можно написать специальную статью. Все это передано безвозмездно в дар музею Изольдом Аркадьевичем Полонским, московским журналистом, посвятившим многие годы своей жизни собиранию реликвий русской культуры.

Его коллекция старинных миниатюр и гравюр, ставшая теперь собственностью музея, дает возможность наглядно представить эпоху, исторические лица и события, которые обрели бессмертную жизнь в произведениях Толстого.

«Везде, где в моем романе говорят и действуют исторические лица, я не выдумывал, а пользовался материалами, из которых у меня во время моей работы образовалась целая библиотека книг...»,— говорил Толстой после написания романа «Война и мир». Он изучал не только исторические труды, мемуарную литературу, встречался с историками и участниками войны 1812 года, но и был знаком с доступными ему изобразительными материалами (старинными гравюрами, литографиями, картинами и портретами).

По свидетельству Софьи Андреевны Толстой, Лев Николаевич любил рассматривать старинные портреты и угадывать характеры изображенных на них людей.

Можно предположить, что Толстому не нравился парадный портрет Кутузова, выполненный Г. Доу для военной галереи Зимнего дворца. Главнокомандующий там написан в рост, в традиционно-величественной позе с простертой вперед правой рукой.

Миниатюра (кость, акварель), подаренная И. А. Полонским, сделана с этого портрета. Художник-миниатюрист как бы приглушил парадность образа, изобразив Кутузова погрудно и «упразднив» простертую руку.

В романе «Война и мир» писатель создает образ Кутузова, который «против воли государя и по воле народа... был избран главнокомандующим». В его внешности, характере и внутреннем облике Толстой подчеркивает отсутствие всякой позы. Величие Кутузова писатель видел в том, что он действовал в интересах народа и понимал дух армии.

На двух других миниатюрах из коллекции И. А. Полонского — генерал Л. Беннигсен и генерал-губернатор Москвы в 1812 году Ф. Растопчин. Это одни из антиподов Кутузова. Их поступками, как показывает Толстой в романе, руководили соображения, далекие от интересов народа и России. В их поведении писатель разоблачает лжепатриотизм, стремление преувеличить свои заслуги, склонность к позерству.

На миниатюрах, писанных акварелью на кости, Беннигсен и Растопчин изображены в рост, в похожих мундирах зеленого цвета, на условном пленэре. В нижнем левом углу каждой миниатюры — намек на событие: в портрете Беннигсена, вероятно, на сражение под Лейпцигом в 1813 году, за участие в котором ему был пожалован графский титул; и пожар Москвы на портрете Растопчина. Обе миниатюры сделаны в одной манере, одним художником. В «Подробном словаре русских гравированных портретов», составленном Д. А. Ровинским, описаны гравюры, идентичные этим портретам. Они сделаны по рисункам французского художника Бозио граверами Л. Радосом (портрет Беннигсена) и Сассо (портрет Растопчина); последняя гравюра датирована 1815 годом.

Большая часть изобразительных материалов, подаренных музею И. А. Полонским, относится к эпохе 1812 года и времени, предшествовавшему ей. Старинные гравюры сражений под Аустерлицем (1805) и Бородином (1812) как бы иллюстрируют страницы прозы Толстого. На выразительных сатирических листах И. И. Теребенева, сделанных в 1812 году, мы видим ту крестьянскую Русь, которая с топорами, вилами и дубинами поднялась на врага. «...Дубина народной войны поднялась со всею своею грозною и величественною силой... поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие»,— пишет Толстой в романе «Война и мир».

И. И. Теребенев — замечательный художник, патриот, один из передовых людей своего времени. Он был членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, имевшего большое влияние на развитие демократических идей в русской культуре начала XIX века. Офорты-карикатуры Теребенева на темы Отечественной войны явились итогом и образцом всего лучшего и значительного, что было создано русской сатирической графикой в это время. Талантливый художник умело использовал в своих работах классические традиции сатирической графики, образное мышление и народный взгляд на происходящие события.

Музейная коллекция карикатур Теребенева пополнилась еще пятью экземплярами хорошей сохранности: «Русский Курций», «Прощай, брат, кланяйся своим, не забывай наших», «Разрушение всемирной монархии», «Ретирада Наполеона из Москвы», «Ретирада французской конницы, которая съела своих лошадей в России». Последняя обращает на себя внимание остроумной выдумкой. Остатки французской конницы (кто верхом на сабле, кто на трубе, кто на древке знамени, а впереди строя — маршал на игрушечной лошадке) ретируются из России.

Другие материалы, переданные И. Полонским, относятся к событиям, отраженным в повести «Хаджи-Мурат».

Два акварельных пейзажа Кавказа из альбома А. Н. Чоглокова: сторожевой пост в горах и караул на мосту через ущелье — датированы 1845 годом. А. Н. Чоглоков — военный инженер-топограф, и это наложило отпечаток на его акварели. Чувствуется, что они сделаны рукой топографа, где со скрупулезной точностью обозначены все изгибы и повороты ущелья и очертания гор. Рисунки имеют значение документа, запечатлевшего определенный момент войны за присоединение Кавказа к России. «...Когда я пишу историческое, я люблю быть до малейших подробностей верным действительности»,— говорил Толстой в пору работы над повестью «Хаджи-Мурат».

Задуманная еще в 1850-е годы, когда писатель служил на Кавказе и впервые услышал трагическую историю Хаджи-Мурата, она занимала Толстого на протяжении многих лет. К работе над этим произведением писатель возвращался несколько раз, и так же, как в период писания романа «Война и мир» он собирал и изучал документальные материалы, стремясь к исторически точному и художественно совершенному изображению событий кавказской войны.

В 1901—1902 годах Толстой по совету врачей провел около года на Южном берегу Крыма в Гаспре недалеко от Алупки, где часто бывал в Воронцовском дворце. П. А. Буланже вспоминал, как Лев Николаевич «в одну из прогулок, осматривая в Алупке дворец кн. Воронцова, с особым вниманием останавливался на портретах Воронцовых и рассказывал... разные подробности о них. Его острый взгляд как бы запечатлевал все штрихи и оттенки глядевших из рам портретов лиц и затем мастерской рукой он передавал эту живопись в «Хаджи-Мурате», оживляя, делая ее одухотворенной».

В повести наряду с другими, более значительными историческими лицами, описана и М. В. Воронцова — жена С. М. Воронцова, сына наместника Крыма и Кавказа. Хорошо известен ее портрет 1858 года художника Ф. К. Винтергалтера. Теперь в музее миниатюра с этого портрета, исполненная масляными красками на кости и дублированная на дерево — паркет. На ней изображена молодая и красивая женщина в нарядном платье.

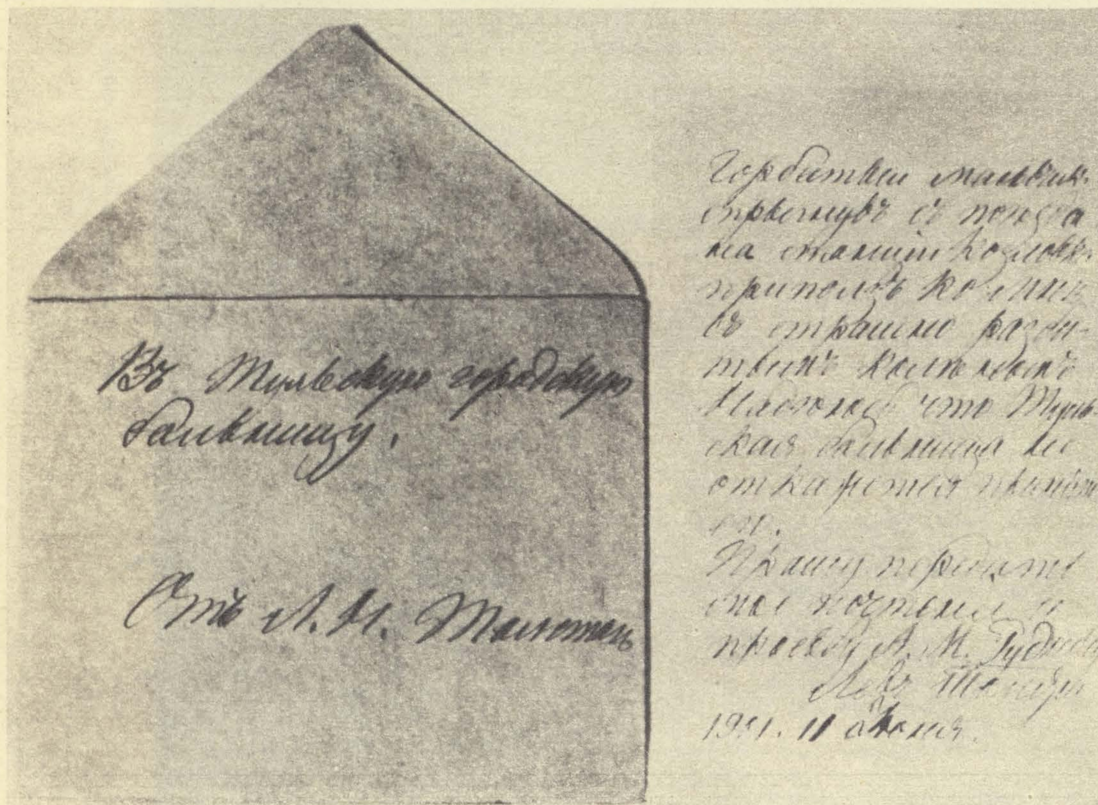
Через ее восприятие Толстой раскрывает привлекательные черты облика Хаджи-Мурата. «Княгиня Марья Васильевна, нарядная, улыбающаяся... встретила Хаджи-Мурата в гостиной... и наружность и манеры Хаджи-Мурата понравились Марье Васильевне. То же, что он вспыхнул, покраснел, когда она подала ему свою большую белую руку, еще более расположило ее в его пользу... Он немного понимал по-русски, но не мог говорить, и когда не понимал, улыбался, и улыбка его понравилась Марье Васильевне...»

Т. ПОПОВКИНА,
ст. научный сотрудник Государственного ордена Трудового Красного Знамени музея Л. Н. Толстого

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОГРАФ

В Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве, согласно постановлению Советского правительства от 27 августа 1939 года, собрано и хранится все рукописное наследие великого писателя:

СОБИРАТЕЛЯ

Въ Тульскую городскую больницу.

Отъ Л. Н. Толстого

Горбатый мальчикъ спрыгнувъ с поезда на станціи Козловка приползъ ко мнѣ съ страшно разбитымъ колѣномъ. Надѣюсь что Тульская больница не откажется принять его. Прошу передать мое почтеніе и просьбу А. М. Рудневу. Левъ Толстой 1901. 11 июня.

Письмо Л. Н. Толстого в Тульскую больницу.

«Ретирада французской конницы, которая съела своих лошадей в России» — карикатура И. И. Теребенева.

Материалы музея публикуются впервые.

Л. Н. Толстой. Неизвестный скульптор. Металл.

его дневники и записные книжки, рукописи его произведений, переписка. Ежегодно архив Толстого пополняется новыми материалами. В год 150-летия со дня рождения писателя в музей поступило несколько подлинных писем Л. Н. Толстого, среди которых были и неизвестные до сего времени.

Таким оказалось письмо в Тульскую городскую больницу, которое передал в дар музею И. А. Полонский. Вот это письмо: «Горбатый мальчик, спрыгнув с поезда на станции Козловка, приполз ко мне с страшно разбитым коленом. Надеюсь, что Тульская больница не откажется принять его. Прошу передать мое почтение и просьбу А. М. Рудневу. Лев Толстой. 1901, 11 июня». Письмо вложено в конверт синего цвета. На конверте рукой Толстого надпись: «В Тульскую городскую больницу. От Л. Н. Толстого».

Ни в дневнике, ни в письмах самого Толстого и близких к нему лиц не удалось найти ничего об этом факте и никаких сведений о мальчике. В дневнике писателя есть запись от 11 июня 1901 года: «Сейчас ходил гулять вечером один». Далее Толстой записал мысли, возникшие на прогулке. И ни одного слова о том, что было утром или днем. Может быть, потому, что для Толстого этот случай был обычным и ничего особенного он в нем не увидел? О том, что это было именно так, свидетельствуют воспоминания о Толстом яснополянских крестьян, хранящиеся в его архиве. Все крестьяне отмечают большую доброту Толстого, человечность и отзывчивость на любое их горе. Они рассказывают, как часто помогал Лев Николаевич заболевшим и как всегда для этого он обращался к доктору Александру Матвеевичу Рудневу, старшему врачу Тульской больницы. Руднев часто бывал в Ясной Поляне.

Яснополянский крестьянин Евстигней Титович Зябрев пишет в своих воспоминаниях о Толстом, что как раз к рабочей поре заболел серьезно крестьянин Алексей Жидков. И Толстой «выписал из Тулы из земской больницы доктора Руднева». Еще он же вспоминает случай: «Когда яснополянскому мужику Ивану Копылову поездом отрезало руку и он лежал в Туле в земской больнице, то его приезжал проведать Толстой и просил старшего врача Руднева, чтобы Руднев о нем позаботился».

Теперь понятно, что произошло: мальчик знал, что в доме Толстого его не оставят без помощи.

Поступивший автограф Толстого — единственный с обращением к доктору А. М. Рудневу среди тысяч и тысяч писем, хранящихся в музее писателя. Но имя Руднева часто упоминается в дневниках и письмах Толстого.

З. ИВАНОВА,
зав. отделом рукописей Государственного ордена Трудового Красного Знамени музея Л. Н. Толстого

Валентин СИДОРОВ

ПЕСНЬ О ШÁМБАЛЕ

У подножья вершины двуглавой,
У отрогов безмолвных хребтов,
Осененных сверкающей славой
Вековых гималайских снегов,

На сухом и песчаном откосе,
На изломе земли и небес,
В окружении кедров и сосен,
Образующих сказочный лес,

Где отшельники, гуру, саньяси [2]
Обретали причал и привал,
Где, коль верить преданию, Вьяси
Свое имя реке даровал,

На ступенях старинного храма,
Уводящих в забытый предел,
В одеянье оранжевом лама
Песнь о Шамбале огненной пел.

Пел о дивной стране, для которой,
По свидетельству древних страниц,
Не хватило земного простора,
И земных не хватило границ.

В неприступных высотах Тибета,
В очистительном зареве звезд
Основало отечество света
Свой бессменный и вечный форпост.

Луч прорезал глухое пространство
И взорвал неподвижную ночь,
Ибо бодрствует белое братство,
Дабы страждущим людям помочь.

И отсюда, старанья утроив
Проторить в нашу юдоль тропу,
Шли подвижники, гуру, герои
В гущу горя, в густую толпу...

Так, слова со словами сплетая,
Песнь звенела, и в песне чужой
Повторялась легенда Алтая,
И душа сочеталась с душой.

Эти саги во всем совпадали
(Не один ли слагал их поэт?!).
Одинаковы были детали,
Устремленность, настрой и сюжет.

Может, в неком неписаном своде
Утверждалась их тайная связь,
Если Шамбала, как Беловодье,
Белым островом тоже звалась.

Удлинялись причудливо тени,
И казалось: внимая словам,
Неотступно гудели ступени
И пустой резонировал храм.

Властный голос немеркнущей сини
Зазвучал у тяжелых стропил.
— Век блистающей Шамбалы ныне,
Заповеданный нам, наступил.

— В чем же признаки нового века? —
Я спросил, приподнявши ладонь.

И, рождая далекое эхо,
Мне ответили кратко:
— Огонь.

Пронизавший надземные выси
Да и сферы земные уже,
Агни, огнь, сожигающий мысли,
Не созвучные нашей душе.

Опаленным космической тайной,
Отзвук давних преданий храня,
Познавать нам дано не случайно
Утонченные формы огня.

Не случайно в мерцающем мраке,
Непростую преследуя цель,
Участились небесные знаки,
Неизвестные людям досель.

В излученьях летающих дисков
Грозным светом горят облака.
Что-то дальнее-дальнее близко,
Ну а что, неизвестно пока.

Привыкая к волшебным приметам,
Почему-то никто не спросил:
А не знаменья ль Шамбалы это
И спасительных Шамбалы сил?

И скажу я о признаке главном,
Отличающем огненный век:
Ныне тайное сделалось явным,
Путь сокрытый доступен для всех.

Ныне будничным выглядит вестник
И глаголет кто раньше был нем.
Потому-то о Шамбале песню
Я пою громогласно и всем.

— Далека ли твердыня ашрама[3],
Над которой клубятся века?
И ответил участливо лама,
Что она далека и близка.

— Но подобное высшему чуду
Обостренное зренье твое
Может всюду, решительно всюду
Вдруг почуять дыханье ее.

Свет великий вы в душах взрастили,
И узнай, что узнать надлежит:
Вековечная тайна России
На путях в Гималаи лежит.

Слышишь в призрачной дымке рассвета
Грозовые раскаты высот?
Это Шамбала в действии.
Это
Ток незримый в Россию течет.

Если в сути вещей разобраться,
Наслоенья отбросив молвы,
Авангард светоносного братства —
Это русский народ, это вы.

В жизнь и плоть претворяя заветы
Непостижной, как небо, любви,
Всю тяжелую карму[4] планеты
Вы взвалили на плечи свои.

Вот зачем, усмиряя стихию,
Утвержден непреложный закон:
Кто с Россией и кто за Россию,
Тот от гибели будет спасен.

В дни, когда громыхают зарницы
И сдвигается так бытие,
Очень многое людям простится,
Не простится хула на нее.

Сроки ныне приблизились.
Ведай
Сокровенную светлую весть,
Что залог непременной победы
Величайший у Шамбалы есть.

Пусть сомненья навек замолкают.
В ореоле бессмертных легенд
Русь и Индия, грани смыкая,
Образуют один континент.

На скрещенье неведомых токов
Устрашаются наши враги
Единенья двух этих истоков
И слиянья двух русел реки.

Ибо свет укрепляется светом,
Общей аурой[5] держится твердь,
И единство грядущее это —
Пораженье для темных и смерть.

Где б ты ни был, в любом отдаленье,
Прозревая намеченный путь,
Будь глашатаем их единенья
И посланником Шамбалы будь.

Не смущайся ни сердцем, ни духом,
Что загадочна эта страна.
Не беда, коль доверишься слухам:
Мол, легенда и сказка она.

Не имеет значения это.
Каждый, кто осознал, наконец,
Что причастен он воинству света —
И посланник ее и гонец.

И усилье твое не напрасно.
Даже мысль, обращенная к ней,
Опаляет людей и пространство,
Просветляет сумятицу дней.

Лишь бы зов твое сердце наполнил,
Лишь бы зов ты воспринял всерьез...

Вот и все, что тогда я запомнил
И в дневник торопливо занес.

Но одно я постиг в полной мере,
Об одном до сих пор не забыл:
Если сведеньям древности верить,
Я в преддверии Шамбалы был.

Так ли это?
Вернувшись из странствий,
Ничего подтвердить не могу.
Ну а выдумка, как ни старайся,
Не желает ложиться в строку.

Но на память об этой прогулке,
О беседе в далеком краю
Я в сандаловой желтой шкатулке
Гималайскую землю храню.

Горсть сухая индийской природы.
В ожиданье обещанных встреч
Берегу ее долгие годы
И надеюсь до смерти сберечь.

И когда я безмолвию внемлю
И закончив ночные труды,
Я держу на весу эту землю —
Грани камешков, блестки слюды,—

Ощущаю, признаться, всей кожей
Снеговое дыханье высот,
И Гепанг, на Белуху похожий,
Наяву предо мною встает...

---

[1] Шáмбала — буддийское название таинственной и легендарной страны. Некоторые исследователи усматривают аналогию с Беловодьем наших староверческих сказаний.

[2] Саньяси — монахи. Вьяси — мудрец древней Индии, автор Вед, от имени которого получила свое название река Биас.

[3] Ашрам — школа для посвященных, уединенное место для углубленной внутренней работы.

[4] Карма (индийское понятие) — совокупность причин и следствий, хороших и дурных поступков, определяющих как жизнь отдельного человека, так и жизнь человечества в целом.

[5] Аура — термин, обозначающий свечение. В данном случае имеется в виду светоносное поле глобальной силы.

М. Врубель. 1856—1910. БОГАТЫРЬ. 1898.

Государственный Русский музей.

И. Шишкин. 1832—1898. ДУБЫ. 1887.

Государственный Русский музей.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КИРИМИЗЕ ЖАНЭ

ПЕВЕЦ АДЫГЕЙСКОГО НАРОДА

Среди национальных литератур нашей страны адыгейская — одна из самых молодых. И хотя ее возраст насчитывает всего лишь несколько десятилетий, она успела подарить читателям немало волнующих, содержательных произведений.

Патриарх адыгейской литературы, один из первых романистов среди народов Северного Кавказа, известный прозаик Тембот Керашев рассказывал автору этих строк, как в столицу автономной области город Майкоп из аула Афипсип пришел с первыми стихами крестьянский паренек Киримизе Жанэ. На первой своей литературной тропке в Адыгейском педагогическом училище Киримизе встретился с Хусеном Андрухаевым, чья жизнь была короткой и яркой, как вспышка молнии.

Хусен Андрухаев прожил всего двадцать один год. Однако не только родная адыгейская земля знает имя этого выдающегося поэта и воина, совершившего славный подвиг в боях против фашистов, за что ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Хусен погиб. Его сверстник младший лейтенант Жанэ сражался за себя и за Хусена. Мужественный командир танка Жанэ имел боевой счет, достойный двух воинов-поэтов.

С фронта Киримизе Жанэ вернулся не только бесстрашным солдатом, но и возмужавшим поэтом.

В памяти фронтовиков остались его произведения, исполненные чувства глубокой признательности солдатам. Стихи «Гвардейцы», «Матери», «Место сражения», «Письмо», «Цветы как люди» написаны на передовой.

Послевоенное творчество Жанэ посвящено трудовым свершениям адыгейского народа. Поэт-коммунист, человек неуемной энергии, Киримизе Жанэ видит свое призвание в служении Родине, в созидательном труде, в постоянном движении вперед.

Нет!
Не люблю я покоя!
Счастье — в далеком пути.
Вздыбили острые грани
Скалы,
и крут поворот.
Нет!
Я прорвусь, не устану
Вечно стремиться вперед!

Талантливое слово певца, утверждает поэт, нужно людям, «как серп — жнецу, как молот — кузнецу». Многие стихи Жанэ давно стали песнями, обрели народное звучание.

К своему 60-летию Киримизе Жанэ пришел как автор двадцати пяти книг.

Широко известны его произведения для детей. Стихи Жанэ переведены на многие языки нашей Родины. На втором съезде писателей Российской Федерации Леонид Сергеевич Соболев назвал Киримизе Жанэ в числе лучших писателей, пишущих для детей.

Весьма плодотворна и переводческая работа Жанэ. Он перевел на адыгейский язык произведения Пушкина, многие басни Крылова, рассказы Чехова, стихи современных советских поэтов.

Жанэ написал волнующую книгу о доблестном сыне адыгейского народа, политруке, Герое Советского Союза, своем незабвенном друге Хусене Андрухаеве.

Ныне Жанэ — шестьдесят лет. Когда-то он пришел из аула Афипсип в Майкоп и стал учеником основоположников адыгейской литературы — поэта Ахмеда Хаткова и прозаика Тембота Керашева. Хаткова давно нет. Старый Тембот жив и радуется тому, что Киримизе вырос, возмужал, стал известным писателем, руководителем Адыгейской писательской организации, возглавляет областной Комитет защиты мира, является членом правления Союза писателей РСФСР.

Есть у адыгейского народа мудрая поговорка: «Человек без друзей, что дерево без корней». У Киримизе Жанэ много друзей. У него сильные, вечно живые, неумирающие корни.

Михаил АНДРИАСОВ

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

Уважаемая редакция!

Мы, комсомольцы инструментального цеха Московского машиностроительного завода «Авангард», с большим вниманием и интересом прочитали репортаж М. Клюева «Неизвестным солдатам», напечатанный в журнале «Огонек» № 29 за 1978 год. Автор рассказал о простой советской женщине-труженице, которая на свои сбережения поставила памятник двум неизвестным солдатам, погибшим в бою возле ее дома.

Этот материал обсуждался у нас на общем комсомольском собрании. Собрание постановило просить редакцию журнала «Огонек» опубликовать наше открытое письмо Ульяне Сидоровне Прохоровой. Текст письма был принят единогласно.

По поручению общего комсомольского собрания секретарь комсомольской организации

А. НЕВЗОРОВ

Дорогая Ульяна Сидоровна!

Мы, комсомольцы инструментального цеха Московского машиностроительного завода, гордимся Вами, Вашим бескорыстным гражданским подвигом. Вы прожили большую жизнь, были свидетельницей рождения Советской власти, участвовали в становлении первого колхоза в родной Каменке. Вы мужественно перенесли ужасы немецко-фашистской неволи, не склонили головы перед оккупантами.

Для нас, комсомольцев, Вы являетесь достойным примером патриотизма, любви к своей Родине, своему народу, к родной Коммунистической партии. Мы будем брать с Вас пример в труде и учебе, в борьбе за выполнение досрочно плана 10-й пятилетки.

Дорогая Ульяна Сидоровна! От всей души, от всех горячих комсомольских сердец желаем Вам доброго здоровья, счастья и благополучия.

Низко кланяемся.

С комсомольским приветом.

СВЕТ ВЕЛИКОГО ПРОШЛОГО

Забывчивы люди. Иногда подводит их память, иногда нежелание помнить. Иногда сама история создает столько препон, что приходится удивляться, как, например, дошли до нас многие из произведений древней русской литературы. Взять, например, «Житие» Аввакума Петрова, памятник литературы XVII века. Хранителей ее рукописи ждали ямы Пустозерска, глухие камеры Соловецкого монастыря, казематы Шлиссельбурга... Все было против того, чтобы книга эта уцелела. Но страстный и яростный голос Аввакума все-таки дошел до нас, став еще одним звеном в вековечной цепочке звеньев русской культуры. И как бы ни силились образовать в этой цепочке брешь, заполнить ее пустотой отрицания, время само восстанавливает связи между прошлым и будущим, собирает все «камни» русской культуры. О Владимире Ивановиче Малышеве, одном из посланцев времени, собирателе драгоценных каменьев великого прошлого, подвижнике древнерусской литературы, пишет в своей новой повести Дмитрий Жуков. Повесть так и называется по имени главного героя — «Владимир Иванович».

А образ Малышева вызвал к жизни и образы исследуемых им, известным советским ученым, мыслителей далекого прошлого, и прежде всего протопопа Аввакума, хотя летопись его жизни и творчества Владимир Иванович так и не закончил.

Не случаен выбор Дмитрия Жукова. Фигура величественного духоборца XVII века выделяется круто на фоне других деятелей культуры того времени: и литературным талантом, широтой мышления, и прежде всего своим горящим сердцем, нравственным максимализмом, героикой поведения. Писали тогда же и образованнейший для своего века Юрий Крижанич и ученый боярин Артамон Матвеев, но, как говорил о протопопе Иван Сергеевич Тургенев, «вот она, живая речь московская... Сравните с этим языком книжный язык того времени, ну хоть как пишет боярин Артамон Матвеев, ученый человек... сухо, утомительно... У Аввакума не то, он живой речью писал».

Став предметом художественного исследования писателя, «Житие» Аввакума оказало и заметное влияние на стиль повести «Владимир Иванович». Это произведение Жукова можно воспринимать тоже как «Житие», где живая авторская мысль ведет за собой эпизоды из жизни Аввакума, Малышева да и самого писателя. Но, конечно, в своеобразной «житийной прозе» XX века, в том числе и во «Владимире Ивановиче», уже не найдешь спокойного, неторопливого строя композиции, обильной деталировки описываемых предметов и событий. Стремительный век изменил и этот изначально несуетный, углубленный в своем отношении к миру жанр. Время и пространство в повести то сжимаются до крошечных пределов, то расширяются до пределов земли и всей ее истории. Аввакум и Софья, Александр Невский и Сергий Радонежский, братья Андрей и Семен Денисовы и король Стефан Баторий вдруг оказываются участниками одного действия, единого времени, подчиненного законам в чем-то субъективного, но чрезвычайно одухотворенного мира писателя Дмитрия Жукова.

Владимир Иванович Малышев всей работой, трудами, находками обращен в прошлое, но всецело принадлежит будущему, как принадлежит будущему «Житие» Аввакума Петрова и «Слово о полку Игореве», древние звенья той цепи, которая создает понятие «Родина». А написанная Дмитрием Жуковым повесть через посредство своих героев и их творений открыто, талантливо пропагандирует этические и эстетические ценности прародителей русской культуры, составляющие наше общее богатство.

Владимир БОНДАРЕНКО

Дмитрий Жуков. Владимир Иванович. Повесть. «Новый мир» № 7, 1978.

БИСИРОВАТЬ ЗАПРЕЩЕНО

В Кунцеве толпа у входа в Дом культуры «Заветы Ильича». Вопрос ко мне: «Нет ли лишнего билетика?» К сожалению, у меня не только лишнего, но вообще нет билета. И вдруг оказывается, что мне фантастически везет! Встречаю приятеля, который знаком с человеком, у которого должны остаться лишние... Жду. За пять минут до начала концерта билет для меня находится. С наслаждением отдаю запорошенное снегом пальто гардеробщице, растираю замерзшие руки.

Итак, я на I туре Московского конкурса авторов и исполнителей самодеятельной песни, организованного Московским городским комитетом ВЛКСМ.

Зал до отказа заполнен молодежью. Разговоры, веселый шум. Сразу видно, что почти все сидящие в зале между собой знакомы. Это и неудивительно, ведь билеты на сегодняшний концерт-конкурс распространялись среди членов Клуба самодеятельной песни. На сцене их друзья, товарищи по совместным походам, соседи по студенческой аудитории. Как-то они себя покажут? Кто пройдет на II тур?

Едва на сцену выходит первый автор-исполнитель, зал напряженно стихает. Нет, песня слабовата, редкие хлопки. А следующая? Выходит второй автор, третий... И, наконец, после одной из песен Владимира Кутузова зал взрывается аплодисментами. Еще и еще раз вызывают его на сцену. Тут вмешивается ведущий, объявляя, что по условиям конкурса бисировать запрещено. Не сразу ведущему удается вернуть разбушевавшихся зрителей в норму, но следующая песня хороша — и зал опять затаил дыхание: какими новыми песнями сегодня порадуют Вероника Долина, Александр Евстигнеев, Александр Ткачев?..

А уж если какая песня этому залу активно не понравится, тут автор держись: лицемерно-равнодушных хлопков не будет, не дождешься, несмотря ни на какие былые заслуги, зато будут хлопки-насмешки, хлопки, предлагающие прекратить пение. Что ж, сурово, но, во всяком случае, справедливо. Ведь эти зрители судят очень квалифицированно: почти все сидящие в зале играют на гитаре и поют. Сегодняшние слушатели возьмут понравившиеся песни на вооружение, остальные же затеряются в магнитофонных записях. А летом лучшие из песен вдруг объявятся у туристских костров, в выступлениях стройотрядовских агитбригад, в студгородках — словом, разнесутся по всей стране. Не случайно весь проход перед сценой уставлен магнитофонами.

Концерт не богат громкими именами. Но разве в этом дело? Многие ли из известных профессионалов могут похвастаться тем, что их песни распевает сегодняшняя молодежь? А песни этих любителей поются! О количестве любителей самодеятельной песни в стране можно судить по тому, что нынешним летом на слете под Куйбышевом собралось пятьдесят тысяч человек...

Концерт продолжается. Песню о романтических парусных кораблях сменяет песня о любви, потом песня о тяжелой, но благородной службе солдата.

Все, чем живет и о чем мечтает молодежь семидесятых, часто самое сокровенное, приносят песни под взволнованный звон гитары. Стихи не всегда «гладкие», но об этом впоследствии будет судить жюри, состоящее из профессионалов, отбирая участников II тура, зато уж искренность и непосредственность в стихах в избытке, как и взаимопонимание между участниками концерта и залом, как взаимное доверие и заинтересованность друг в друге.

С. РУСАКОВ

Фото А. Ефремова

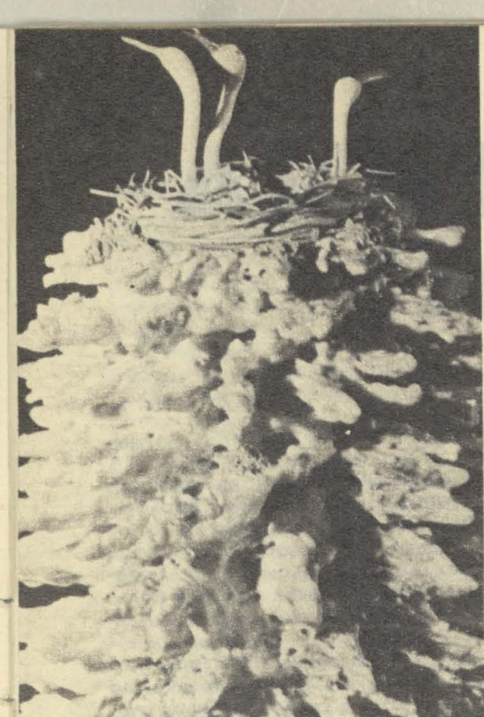
Алдона Гадляускайте сделала такой торт к 8 Марта.

ТОРТ ОТ

К. БАРЫКИН, И. ТУНКЕЛЬ, специальные корреспонденты «Огонька»

Хороший повар стоит доктора? Ныне с этим, пожалуй, никто не спорит. А кондитер, мастер тортов, бисквитов, пирожных,— не повар и не лекарь? Кто же он в наше время, когда только и слышишь: не ешьте много сладкого!..

Алдона Гадляускайте работает в вильнюсском ресторане «Аэропорт». Кондитером. У нее диплом Вильнюсской торговой школы и золотые руки. Это сочетание и принесло Алдоне такую известность, словно она не кондитер, а популярная киноактриса. В Будапеште, на крупном кулинарном смотре, ей аплодировали за бисквиты. Гадляускайте выпал билет — пирожные. И она решила испечь свои, именные. (Алдона—автор великолепного набора пирожных и бисквитов. Они так и называются «Набор Алдоны»). Помнится, авто-

Неистощима фантазия мастеров, делающих торты.

Прежде чем попасть на прилавок, образцы новой продукции обсуждаются, и не раз. Сегодня с ними знакомятся руководители треста ресторанов и кафе — Антанина Юозовна Бычкова, Мальвидас Альфонсович Сакалаускас, Елена Петровна Мейлутене. Торты им показывает Стасе Рукшенайте.

Молодые вильнюсские кондитеры.

ЧЕМПИОНКИ

ритетное, знающее толк в сластях жюри так увлеклось дегустацией, что и крошки не осталось. А еще через час, когда Алдона и близкие ее подруги Стасе Рукшенайте и Лаймуте Зимблите поставили на скатерть торт, зал замер. Председатель жюри, известный венгерский кондитер, восторженно сказал: «Это как хорошая музыка».

Испечь торт... Их не просто пекут — конструируют. Как дома, как часы, как самолеты. Недавно в Вильнюсе сделали «Олимпийский» торт. Все тут вновь. Авторитеты утверждают: «Олимпийский» торт — самый вкусный из всех известных. «Олимпийский» — подарок Олимпиаде-80. Но задача кондитеров — готовить сласти не только к праздникам. Главная их забота — чтобы хорошие торты, пирожные были в каждом кондитерском магазине каждый день.

Пищевая индустрия дает такое количество тортов с конвейера, что своей массовостью они уже пытаются отгородить от потребителя сделанное мастером. Стасе Рукшенайте несколько лет делает торты «Юность» и «Стася». Появятся такие на прилавке, и сразу раскупают их: вильнюсцы знают и ценят продукцию именитого автора, обладателя высшего титула «мастер-кондитер». Казалось бы, пусть Стасе, Лаймуте, Алдона, их столь же талантливые товарищи по цеху больше делают тортов, пусть покупатель радуется. Но вот тут какая история. На такой торт, как «Юность», как «Олимпийский», как фантастический «Шакотис», надо затратить не час и даже не день. Есть изделия, на которые мастеру высшего класса требуется около двадцати часов. За это же время можно испечь полсотни стандартных тортов. А работа оценивается по принципу: больше сделал — больше получил... Да и предприятию невыгодны классные изделия. По весу торт ценится...

Пустяковая, казалось бы, задача. Организовать, скажем, отдел заказов. Вам нужен торт с конвейера? Милости просим в соседний магазин. А у нас можете заказать оригинальный, авторский. Вот каталог, вот расценки... Уверены, отбоя от заказчиков не было бы. Идут же в ателье высшего разряда, лишь бы по вкусу вещь сшили. В Вильнюсе проблему пытаются разрешить энергичные, уважающие подлинное мастерство кондитеров руководители треста ресторанов и кафе. Им хотят помочь и в Министерстве торговли республики. Но пока дело идет неторопко.

А открыть бы кондитерскую, в которую можно зайти, посмотреть фотографии, каталог, а то и короткий, на минуту, киноролик: как работают мастера? Выбрать и упаковку. И сказать: «Прошу приготовить такой вот торт». Сделают Алдона, Стасе, Лаймуте, Анеле, Лёнгина... И написать на коробке: торт от Алдоны, торт от чемпионки!

Пусть начнут такое дело вильнюсцы. Глядишь, за ними потянутся и в других городах. Тем более, что отменных кондитеров в стране много.

— Оригинально, творчески работают москвичи, таллинцы, рижане, киевляне,— говорила нам Алдона Гадляускайте: она могла оценить их мастерство на конкурсе в Алма-Ате, где и завоевала первенство, стала кондитером-чемпионкой...

А что касается самой Гадляускайте, то она скромно оценивает свои успехи. Мы попросили ее:

— Откройте ваш профессиональный секрет.

Она задумалась, сказала:

— Трудолюбие, выдержка.

— Кондитер — мужская или женская профессия?

— Там, где нужна нежность,— женская. Там, где нужны серийные изделия,— мужская,— ответила Алдона.

— Печете ли вы дома торты?

— Очень редко. Времени нет. Работа в цехе, депутатские заботы.

— Что нового готовят вильнюсские кондитеры?

— В будущем, может, появятся и космические торты. Пока же сделан «Олимпийский». Совершенно новая рецептура, а тесто настолько новое, что ему и названия пока нет. Но в этой разработке есть черточки торта будущего. Он не слишком сладкий, не очень калориен, вписывается в требования диетологов: «Меньше сладкого!» И вообще торт, в котором много сахара,— это уже не торт, а сахар с тестом.

— Какой рецепт вы хотели бы преподнести читательницам «Огонька» к Восьмому марта?

— Рецептов много. Но они как ноты: любое музыкальное произведение можно сыграть по-разному...

Хороший повар стоит доктора! И кондитер тоже... Если он работает так, как вильнюсские мастерицы, которым мы желаем успехов, которых поздравляем с общим нашим праздником — с Днем 8 Марта.

премьера

Л. Богданова — Фрейя и И. Архипова в роли Фрикки.

В. Попов — Логе.

Сцена из спектакля.

«ЗОЛОТО РЕЙНА»

С большим драматическим напряжением раскрывается Вагнером тема «власти злата» в его знаменитой опере «Золото Рейна». На сцене Большого театра она поставлена впервые.

Народный артист РСФСР дирижер Ю. И. Симонов темпераментно и увлеченно, с большим творческим подъемом провел спектакль, состав которого поистине предстал перед публикой во всем своем профессиональном блеске. Хочется отметить это еще и потому, что в программе рядом с именами постановщика и художника, а также именами некоторых исполнителей в скобках стоит слово «стажер».

В партии Вотана, верховного бога, Г. Селезнев, обладающий редкостно красивым по тембру голосом, интересно раскрылся еще и как актер драматический. Своего необычайного героя он наделяет реальными жизненными чертами: возникает сложнейшая борьба Вотана с самим собой, борьба нелегкая, драматичная. И очень убедительно артист показывает победу доброго начала над темной, опьяняющей жаждой власти...

Великолепна народная артистка СССР И. К. Архипова, чей волнующий, прекрасный голос передает богатство души Фрикки — богини домашнего очага. Героиня Архиповой не хочет и не согласна платить за свое счастье ценой несчастья другого...

Нежный, светлый образ Фрейи, богини любви, создала Л. Богданова.

Спектакль интересен, думается, каждому зрителю, а не только тем, кто знаком с древней легендой о Нибелунгах... Не слишком часто на сценах наших театров идут произведения Вагнера. Тем значительнее яркое и своеобразное прочтение вагнеровского «Золота Рейна» на сцене Большого театра.

Дирижер Ю. И. Симонов, постановщик В. Г. Милков и художник В. А. Вольский проникли в самую суть вагнеровской музыки и очень убедительно, реалистически глубоко подошли к воплощению замысла великого композитора.

А. ЗВЯГИНА

Фото Г. СОЛОВЬЕВА

КАК ВСЕГДА — ПОБЕДА!

«Динамовец из Москвы Николай Балбошин — теперь уже четырехкратный чемпион мира. У него не было проблем, не было равных соперников. Спокойный и уверенный, он выходил на ковер, и, казалось, что на поле боя вышел Геракл...»

Из отчета о чемпионате мира в Мексике. Август 1978 года.

Сергей МАРКОВ

Действительно, тем летом в Мехико все были уверены, что никто не сможет остановить нашего полутяжеловеса. Обычные, вполне объяснимые в таких случаях поговорки «Загад не богат» или «Поживем — увидим» никто не вспоминал. Задолго до чемпионата мира все без исключения были убеждены в победе Балбошина. И он победил — чисто, быстро, красиво. Как всегда.

* * *

...Классическая борьба — вид спорта особенный. Нет в нем ни элегантности тенниса, ни музыкальности фигурного катания, ни спринтерской стремительности, ни футбольного размаха. Борьба... Само название говорит за себя. Тяжелый вид спорта. И среди всех видов борьбы самая тяжелая — классическая. Если в вольной борьбе, самбо, в дзюдо масса приемов с использованием ног — подсечки, захваты,— то «классика» — борьба только до пояса. Кроме своих стальных рук, тебе не на что рассчитывать. Восемь — десять приемов из положения стоя, четыре-пять внизу, «в партере», некоторые вариации — и все. Самбо, к примеру, имеет приемов больше тысячи. Даже по звуку классическую борьбу можно отличить, по дыханию, по глубоким надрывным вскрикам во время проведения броска...

Балбошин, как никто, спокоен перед выходом на ковер. Однажды лишь видели, как трясло его — в Ташкенте. Тогда он приехал на соревнования после долгого перерыва... Да и то заметили это только те, кто видит его ежедневно, знает много лет. Но спокойствие Николая — затишье перед бурей.

— У Балбошина устойчивая, сильная нервная система, — говорили мне спортивные психологи.— Эта внешняя замкнутость и молчаливость, может быть, и от рождения, но это очень хорошие черты характера. Они помогают борцу в нужный момент предельно сосредоточиться, подготовить и включить все мышечные и нервные возможности... Он обладает внутренним глубоким темпера-

Анатолий Иванович Парфенов и его именитый ученик.

Фото А. Бочинина

ментом, умением взорваться. Ну, а то, что характер кажется порой не слишком легким, так кто из незаурядных личностей (и не только в спорте) с легким характером? Бездарность может быть «приятной во всех отношениях». Талант — никогда.

...Балбошин сразу идет в атаку. Скорость, напор, неудержимость! Свой темп Балбошин навязывает противнику на первых же секундах. Известный знаток борьбы В. П. Кожарский считает, что в мире нету сейчас борца, который был бы настолько сильнее всех своих соперников. «Балбошин близок к идеалу борца,— говорит Кожарский. — Такими мы представляем русских легендарных силачей».

Сейчас самые опытные полутяжи, узнав, что им предстоит встреча с Балбошиным, выходят на ковер с видом обреченных, готовыми к поражению. Балбошин сразу нагружает противника, давит, и тот подчиняется его воле, начинает «плавать» — захват, бросок, победа! И все это наш чемпион проделывает так внешне легко и красиво, артистично, что кажется, нет и не было у него никогда трудностей.

Но это, конечно, не так. Не бывает легких побед. Поражений легких — сколько угодно. Побед — никогда.

* * *

Тегеран. Первенство мира, 1973 год. Открытый стадион «Фарах» затопила липкая, глухая жара. В середине футбольного поля — три борцовских ковра. Сверху в упор хлещет раскаленное добела солнце. Бешено гудят трибуны. Противник Коли Балбошина — опытнейший мастер, призер чемпионатов мира и Олимпийских игр, чемпион Европы, венгерский борец Киш. Упорно, уверенно, словно танк, пошел он вперед. Но Балбошин тоже решил показать, на что он способен. Два периода равной борьбы. Никто из противников не может сделать подходящего захвата, провести прием. Вот пошел в атаку Николай: вперед, влево, нырок — неудачно! Опять захват... Выскальзывает из рук влажное тело венгра. Пот застит глаза. Еще тридцать секунд! Еще минута... И вдруг опускаются руки, словно ватные... Все, пропал. Ловкий и опытный Киш сразу все понял — в атаку! Сильнейший захват корпуса, дыхание прерывается... Тут приходит абсолютное равнодушие ко всему происходящему на ковре. Ко всему свету. Да, сейчас венгр проведет решающий бросок. ... Ну и черт с ним. Лишь бы вырваться с этого проклятого стадиона, упасть в холодный фонтан на площади, выпить его весь и заснуть...

Так нет же! Николай до боли сдавливает зубы. Чернота в глазах. Не слышно ничего, кроме жуткого, все нарастающего звона! Уход, шаг вперед, захват... Все вдруг куда-то проваливается, тонет. Хриплый, сдавленный вскрик и...

Напряжение в таких схватках действительно нечеловеческое. Что бы ни испытывал человек, как бы ни напрягался,— подсознательно он всегда оставляет себе какой-нибудь резерв. Полностью, до конца человек свои возможности не использует никогда. Доказано наукой. Но, я уверен, не касается это чемпионов мира.

...Захват, хриплый, сдавленный вскрик, отчаянный бросок через себя, прогибом — и венгерский борец на ковре всей спиной, обеими лопатками. Победа! По-бе-да! Эта схватка на раскаленном стадионе выжгла в Балбошине буквально все. Долго он не мог прийти в себя в том трудном, переломном для него 1973-м...

* * *

— Париться надо уметь,— говорил Анатолий Иванович Парфенов, с наслаждением вытягивая свое богатырское тело на полатях финской бани Водного стадиона. Дышали стены, обитые тесом. Воздух был сухим и трескучим.— Для нас, борцов, баня — полжизни. Два раза в неделю обязательно, иногда чаще. Мой учитель, борец Александр Андреевич Сенаторов, так говаривал: «Кто париться душевно не умеет, бани не понимает, тот не борец». А я по своему опыту это знаю. Порой кажется: умрешь тут же от усталости после трудной схватки, многочасовой тренировки... А пришел в баньку, поддал как следует жарку, чтобы повеселела, и веничком, веничком! Что может на свете быть слаще запаха горячего березового веничка! Из молодого дубка тоже годится (только заготовить надо вовремя). Попаришься эдак часочков... несколько, хорошо на душе. Вообще-то я больше русскую баньку уважаю. Но мы и с финской по-русски обходимся, жарку поддаем, чтобы аж звенело!

...Добровольцев в штурмовой отряд, который должен был форсировать Днепр первым и закрепиться на правой его стороне, оказалось много. Выбрали самых надежных. Вспоминать страшно, не то что рассказывать... Ледяная вода, перемешанная с кровью,— и огонь, огонь, огонь! Немцы ввели в бой подвижные бронированные отряды. Авиация семь раз уничтожала наведенные нашими саперами переправы. Черный ледяной ад... Любыми силами фашист решил сбросить, сжечь передовой отряд, зацепившийся на пятачке. Один за другим погибали ребята. Весь пулеметный расчет Парфенова, все добровольцы. Один остался за пулеметом младший сержант. Бог знает, сколько на той земле держался Парфенов. Сам тяжело раненный, почти в бессознательном состоянии, вынес он из боя своего товарища, последнего уцелевшего из отряда. И упал — уже среди своих... Играли «катюши», гремело страшное для немцев русское «ура», 69-я гвардейская стрелковая дивизия шла вперед...

А после войны Анатолий Парфенов совершил подвиг, пожалуй, не имеющий аналогов в истории спорта: в 25 лет пришел в классическую борьбу. Никто к бывшему фронтовику, опаленному в танке, израненному в атаках, как к спортсмену серьезно не относился. Данные, правда, были у него отменные: рост 191, вес за 110... Но разве этого достаточно?

А через три года Парфенов становится чемпионом СССР. И в 1956-м — олимпийским чемпионом!

* * *

Сразу понравился Коля Балбошин динамовскому тренеру Анатолию Парфенову. Настырностью, азартом, злостью... Будет борец. Не сладко приходилось полутяжу Балбошину в спарринге с пятидесятилетним тяжеловесом в 115 килограммов. Поставив ученика «в партер», Анатолий Иванович «вжимал» его в ковер и так и эдак... Минут по сорок продолжались их горячие схватки. Обессилев, садились ученик и учитель на ковер, тяжело дыша, вытирали пот, глядели друг на друга удивленно, как будто в первый раз видели...

— Молоток, работяга! — хвалил тренер.— Мужик! (Мужик, мужчина — высшая похвала у борцов.)

...Но обратимся теперь к началу. Коле было двенадцать лет, когда старший брат Володя привел его на стадион «Наука» и показал тренеру Марку Португалу.

— Я почувствовал в этом пареньке сильный каркас, кость, на которую можно будет в процессе работы нарастить хорошие мышцы,— рассказывает Марк Анатольевич.— Хоть и была внешность у Коли совсем не борцовская: худой, длиннющий... А упорство было страшное. Выслушает внимательно, опустив голову, молча... «Понятно?» — спросишь. Всем понятно, всей секции. А Балбошину, оказывается, и не нравится то, что всем понятно. Противоречивый был парень. Сказать ничего не скажет, а сделает наоборот. Меня это сперва раздражало. Но потом понял: это характер.

Володя и Коля Балбошины вместе ходили на тренировки. И в зале боролись друг с другом, и на улице, и дома... С восхищением глядел младший Балбошин — Витя, как братья обмеряют сантиметром растущую мускулатуру. Подтягиваются, качают шею, привязав двухпудовик к специальной кожаной шапочке. А сколько радости для младшего было, когда братья начинали бороться прямо тут, в комнате. Только стулья летели в разные стороны! Потом и Володя стал мастером спорта и младший — Виктор.

...С первых своих соревнований, когда семья ждала Колю с победой и мама купила торт ради такого случая, он вернулся злой на весь свет и со сломанной рукой. Не повезло.

— Плакал всю ночь дома,— вспоминает мать, Екатерина Николаевна.— Не от боли, от обиды плакал. Рука в гипсе, весь бледный, а все туда же... «Я им все равно покажу», — твердил, стиснув зубы... Мы с отцом не узнавали нашего Колю. Вообще-то он тихим мальчиком рос, не баловал. Очень любил дома играть. И потом — после борцовских неудач — дома быстрее отходил...

И сейчас, когда Балбошин женился и стал отцом, любит он свой дом, все домашнее...

— Со сборов, соревнований звонит без конца, пишет жене письма, — говорила мне Екатерина Николаевна. — Из любой поездки привозит нашему Коле-младшему горы игрушек. Когда сынишка совсем маленьким был, чуть приболеет — Коля его на руках носит, укачивает, ночами не спит...

* * *

...С Парфеновым они начали отрабатывать бросок прогибом, то есть через себя, с захватом руки и туловища. Все необходимое для этого сложнейшего приема у Балбошина было: резкость, быстрота, умение неожиданно взорваться, смелость, отчаянность даже... (Смелость, решительность для настоящего броска прогибом нужна особенная. Проводя этот прием, спортсмен сам падает назад — спиной к ковру, мгновенно разворачивается и бросает противника. Малейшая неточность, нерешительность в броске прогибом приводят к тому, что противник сам накрывает атакующего.)

Парфенов обрушил на своего ученика сразу неимоверную нагрузку. Анатолий Иванович заставлял Балбошина бегать бесконечные кроссы, плавать по многу километров, не давал никакого спуску на лыжах. В зале подолгу, до изнеможения прыгал Николай через козла, до упаду работал со штангой и гирями... Трудно сказать, до какого пота. До какой боли в мышцах. Боролся со спортсменами намного тяжелее его самого, ставя себя в очень трудное положение. Сотни, тысячи раз бросал семидесятикилограммовое чучело. Часами работал над каким-то одним даже не движением, а элементом движения...

И за полтора года Балбошин освоил этот сложнейший прием, отточил до совершенства! Он проводит бросок прогибом и с правого и с левого захвата с филигранной точностью. Чаще всего Николай получает за свой коронный прием на соревнованиях высшую оценку — четыре балла.

Именно броском прогибом Николай в 1973 году победил венгерского борца Киша на тегеранском стадионе «Фарах».

...На Олимпиаду в Мюнхен Николай не попал: помешала травма. Олимпийским чемпионом стал румынский спортсмен Мартинеску, которого Балбошин уже побеждал. Ну не обидно ли?! А в Минске, на первенстве мира 1975 года, с Балбошиным случилось вот что: он выигрывал уже восемь баллов у болгарина Камена Лозанова и за две минуты до конца начал «проход в корпус»... Подготовил противника правильно, страшно напрягся в начале броска,— и рухнул как подкошенный. Травма. Его вынесли из зала на носилках. Пролежал в больнице месяц, потом четыре — дома. Приближалась уже монреальская Олимпиада, а Балбошин еще с трудом передвигался...

— И все же я поеду на Олимпиаду! — заявил Николай.

Закусив губы от боли, он прыгал вокруг своего дома на одной ноге, приговаривая: «Во что бы то ни ста-ло я бу-ду о-лим-пий-ским чем-пи-о-ном!»

Верил сам Балбошин. Верил старый солдат Парфеныч... Сколько он гонял его по стадиону, сколько шкур спустил березовым веничком в бане — никто не знает. Только уже в апреле Балбошин выигрывает чемпионат Европы. С огромным трудом, но выигрывает. И вот сбылась мечта — олимпийский Монреаль. Стадион — весь мир. Больше полутора миллиардов человек видят его по телевизору. На беговую дорожку для участия в параде открытия выходит команда нашей страны. Впереди, высоко подняв на вытянутой руке знамя, идет Николай Балбошин.

...Вернулся с жеребьевки старший тренер Виктор Игуменов:

— Коль, опять тебе с румыном начинать. Судьба это, что ли...

Вот и встретился Балбошин с олимпийским чемпионом Мартинеску. Всего полторы минуты продержался тот против Коли... Все пять соперников Балбошина смогли выстоять вкупе всего пятнадцать минут из сорока пяти положенных. Чистыми победами завершал Балбошин свои выходы на ковер.

— А мне дышать стало трудно почему-то... Николай борется, а я дышать не могу на трибуне, слезы к горлу подступили,— вспоминает Парфенов.— Это ведь Балбошин чемпион, наш, динамовец, мой Колька... Молодчина, что тут скажешь...

* * *

...А в Москве уже осень. После душного Мехико, после самолетов, гостиниц, автобусов хорошо пройти чистым туманным утром по аллее стадиона «Динамо». Не торопясь, вдыхая чуть влажный воздух, запах прелых листьев, прислушиваясь к тишине московского утра... Войти в девятый подъезд, подняться по лестнице в старый динамовский зал. Парфенов уже здесь. Игрушечной в его тяжеленных узловатых пальцах шариковой ручкой усердно делает какие-то расчеты и заносит их в журнал. Повторяет про себя цифры и фамилии...

— Анатолий Иваныч, здрасть...

— А-а, товарищ Балбошин! Здорово, здорово... Ну, как ты жив?

— Да нормально.

— Ну, иди переодевайся. Не очень обленился-то? Сегодня разминочку проведем поинтенсивнее. Потом в партере чуток поработаем. Ну и с тяжестями... А завтра на Водном в десять ноль ноль жду в бане. Я с дачи веники привез — будем мексиканские ушибы лечить.

Фотографирует паровоз

В Токио состоялась выставка самодельных фотоаппаратов. В ней приняли участие двести человек из 87 стран. Самую высокую оценку получил экспонат, изображенный на снимке.

Тише едешь — дальше будешь

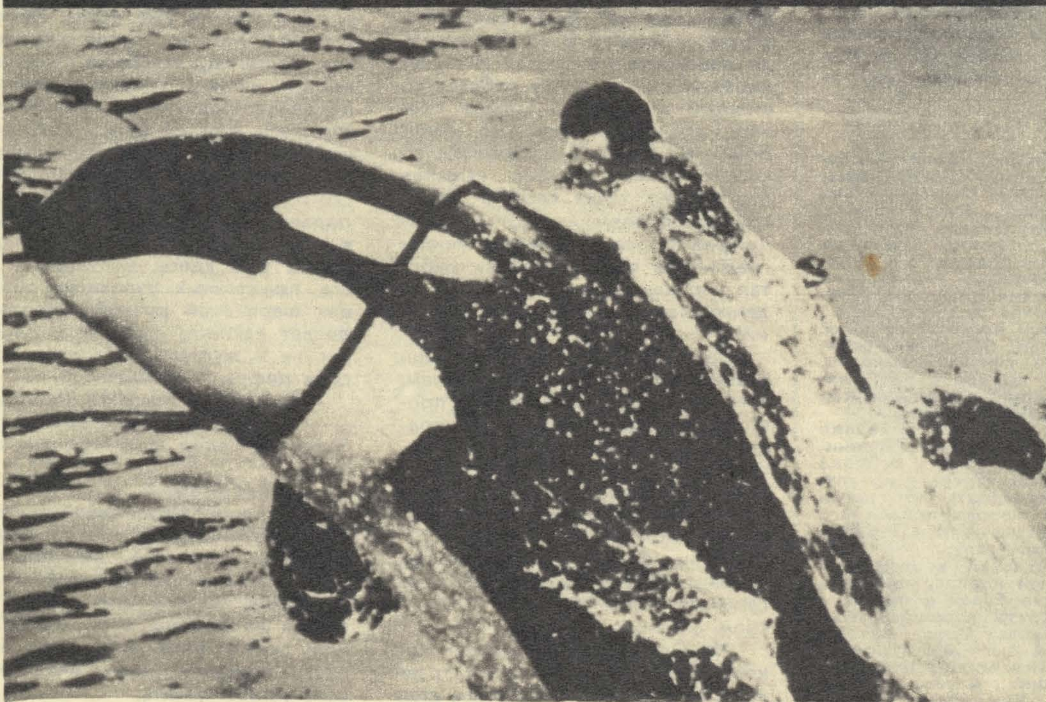
Такой необычный в наши дни экипаж можно встретить на лондонских улицах. Пользуются этим транспортным средством прошлого века туристы, путешествующие из английской столицы в Эдинбург.

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

Отважный наездник

Американский дрессировщик Фрэнк Стрзалковский во время тренировок с семилетним дельфином Непо отважился на рискованный трюк. Для того, чтобы прыгнуть на высоту трех метров, трехтонный гигант с «всадником» на спине погружался в воду на глубину свыше 8 метров.

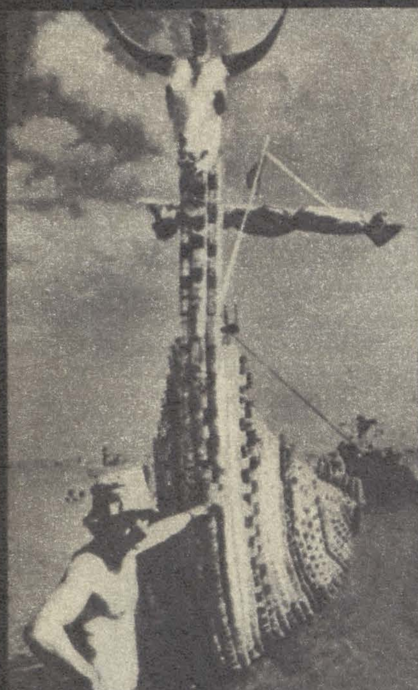

Верблюд – скала

Эту скульптуру, созданную природой, я запечатлел на пленку в Оренбургской области, недалеко от совхоза «Восточный».

С. СЛАНЦЕВ

Многометровый кроссворд

В области составления кроссвордов тоже есть свои рекорды. Прежний принадлежал американцу Роберту Стилбайеру из Лос-Анджелеса. Его кроссворд состоял из 4015 вопросов. Новый рекордсмен — Арне Майер-Ольденбург из ФРГ намного превзошел конкурента. Он составил кроссворд длиной 35 метров, предложив любителям головоломок 7612 вопросов.

Пивная регата

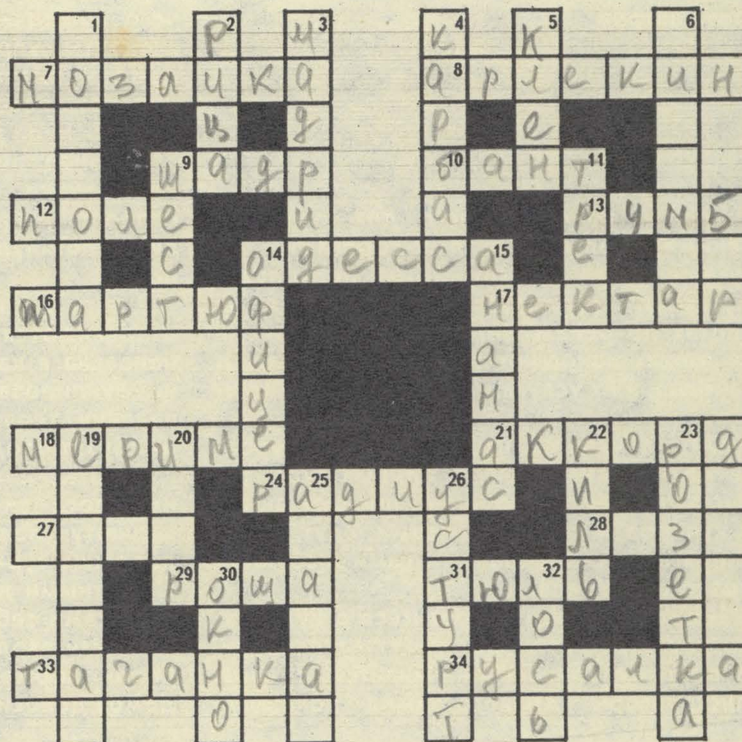
Австралия входит в число стран с наибольшим потреблением пива. Ежегодно на северном побережье континента близ города Дарвина проводится необычная регата: на старте выстраиваются лодки и плоты, сделанные из жестяных банок из-под пива. Некоторые смельчаки доходят на них до Сингапура. «Галера», которую вы видите на снимке, примечательна еще и тем, что содержимое всех пятнадцати тысяч банок, потребовавшихся на ее изготовление, выпил сам владелец судна.

Мастер по дереву

Сорок лет увлеченно занимается резьбой по дереву житель Будапешта, ныне пенсионер Карой Надь. Скульптором-любителем создано свыше 600 произведений.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Изображение из цветных камней, смальты. 8. Традиционный персонаж итальянской «комедии масок». 9. Советский скульптор. 10. Лента, завязанная узлом. 12. Обрабатываемая под посев земля. 13. Деление на круге компаса. 14. Город-герой. 16. Главное действующее лицо пьесы Ж. Б. Мольера. 17. Сок цветков медоносных растений. 18. Французский писатель. 21. Гармоническое сочетание нескольких музыкальных звуков. 24. Отрезок прямой, соединяющий точку окружности с центром. 27. Природное минеральное соединение. 28. Река в РСФСР. 29. Небольшой лес. 31. Тонкая сетчатая ткань. 33. Картина М. Б. Грекова. 34. Опера А. С. Даргомыжского.

По вертикали: 1. Рассказ из «Записок охотника» И. С. Тургенева. 2. Озеро в Абхазии. 3. Столица европейского государства. 4. Поморская высокобортная лодка. 5. Лиственное дерево, кустарник. 6. Суждение, содержащее два исключающих друг друга положения. 9. Жердь. 11. Спортивное сооружение. 14. Военнослужащий командного состава. 15. Южное плодовое растение. 19. Приток Волги. 20. Малая планета. 22. Часть оперения самолета. 23. Лепное украшение в виде лепестков. 25. Рыба, способная передвигаться по суше. 26. Плато, расположенное в Казахстане и Узбекистане. 30. Проем в стене. 32. Млекопитающее семейства оленей.

ОТВЕТ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали: 2. Сковорода. 4. Коса. 7. Герб. 9. Иваси. 10. Марс. 12. Рант. 14. Шолохов. 16. «Жигули». 17. Летчик. 18. Тоскана. 22. Кокс. 24. Кадр. 25 Сорго. 26. Ямал. 27. Тана. 28. Амфитеатр.

По вертикали: 1. Сопрано. 2. Сфакс. 3. Ангар. 4. Камаринская. 5. Сито. 6. Лицо. 8. Ботанизирка. 11. Рисунок. 13. Акстафа. 14. Шрифт. 15. Волга. 19. Омск. 20. Куранты. 21. Неон. 23. Сылва. 24. Катер.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев выступает с речью перед избирателями Бауманского избирательного округа столицы.

Фото А. Гостева

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Трапасси. Л. Н. Толстой. 1910-е годы (мрамор) ● А. Чоглоков. Караул на мосту через ущелье. 1845 год (акварель) ● Портрет Ф. Растопчина. 1815 год (акварель) ● Портрет М. Ф. Воронцовой (кость, масло) ● М. И. Кутузов. Миниатюра с портрета работы Г. Доу. Публикуются впервые (см. в номере материал «Дар собирателя»).

Фото А. Задикяна

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 19.02.79. Подп. к печати 02.03.79. А 00631.
Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 543. Заказ № 214.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

И. КОНСТАНТИНОВ
Фото автора

Урал — райское место для туристов. Какими только путями-дорогами не путешествуют они по этому прекрасному краю: спускаются в байдарках и на плотах по рекам, верхом на лошадях и на лыжах покоряют Уральский хребет. И наконец, к их услугам конно-санный маршрут.

Он начинается на белорецкой турбазе «Арский камень», и, прибыв туда, туристы на несколько дней превращаются в кучеров и конюхов — сами едут, сами запрягают, сами правят и сами любуются красотами Урала.

Но прежде чем отправиться в путь, надо научиться отличать хомут от оглобли. И поэтому обучение начинается с азов. Инструкторы «Арского камня» показывают и объясняют кучерам-новичкам, для чего лошадям необходимы те или иные атрибуты упряжи. И тут трудности на каждом шагу: то ремень не так перекинул, то хомут не стягивается, то не знаешь, куда деть дугу.

Наконец, первый пробный выезд. В руках вожжи. Доносится: «Трогай», — это сопровождающий инструктор дал команду. И потянулся за его лошадью санный поезд.

В путь на несколько дней, как правило, отправляются пять — семь саней, по два человека в каждых. Все участники отлично экипированы, на турбазе им выдают валенки, теплые брюки, полушубки. В сани грузят продукты, лыжи.

И зазвенели колокольчики, разбудили их голоса зимний лес. От «приюта» к «приюту» лежит путь санного поезда. В деревнях туристы отдыхают, знакомятся с местными жителями, катаются на лыжах, сами себе готовят пищу. В их обязанности входит и забота о лошадях: водопой, кормежка, туалет. А вечерами из домов доносится звон гитары.

Снежное купание.

В САНЯХ ПО УР

Сборы.

Тяжело в ученье, легко в езде.

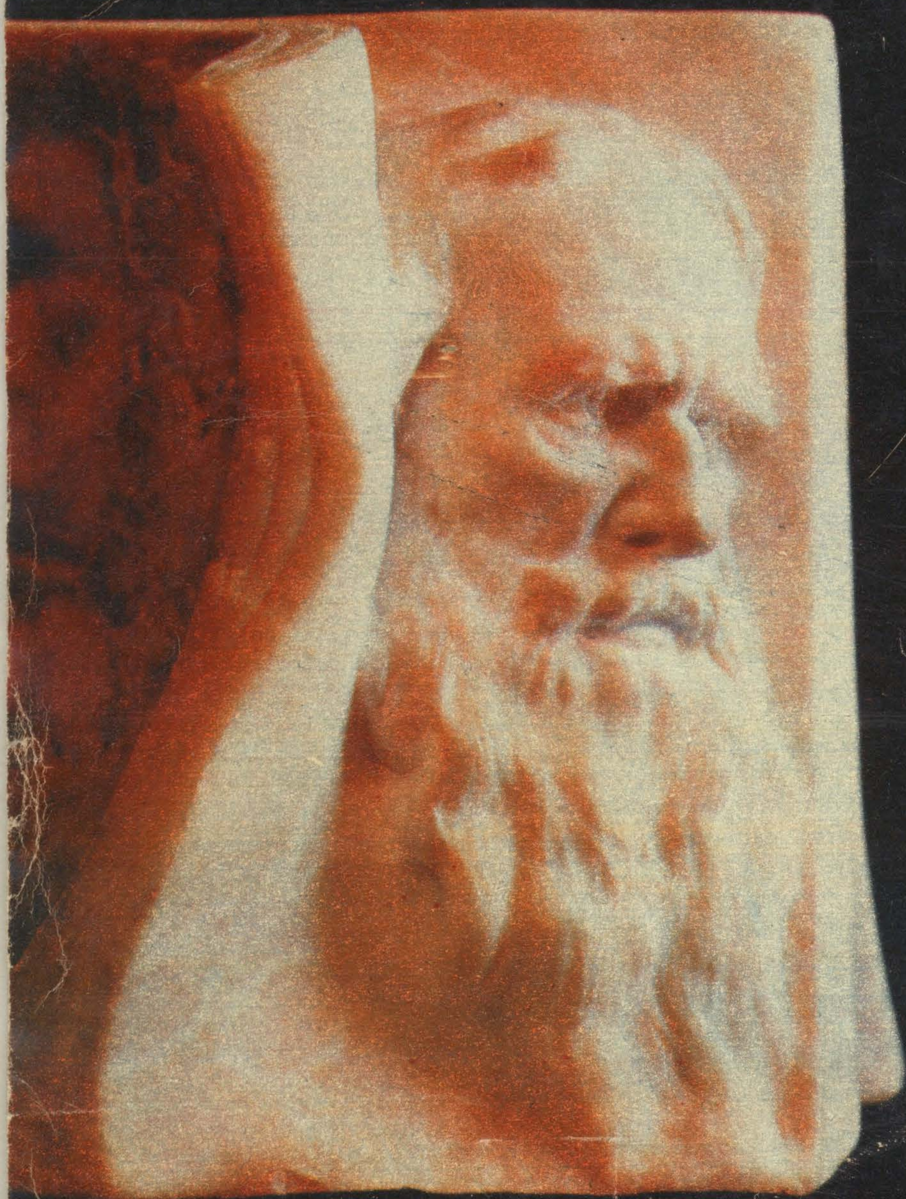
Санный поезд.

АЛУ

Веселый попутчик.

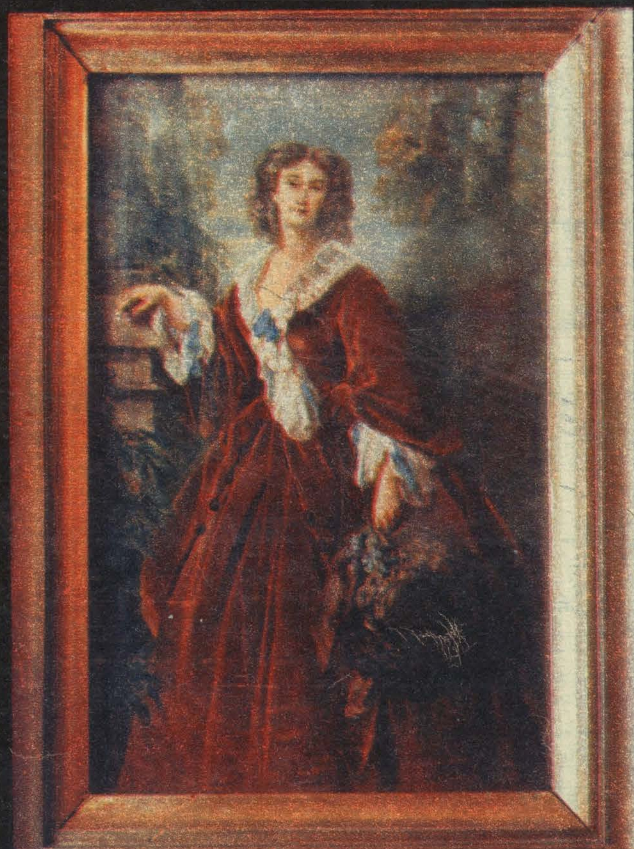

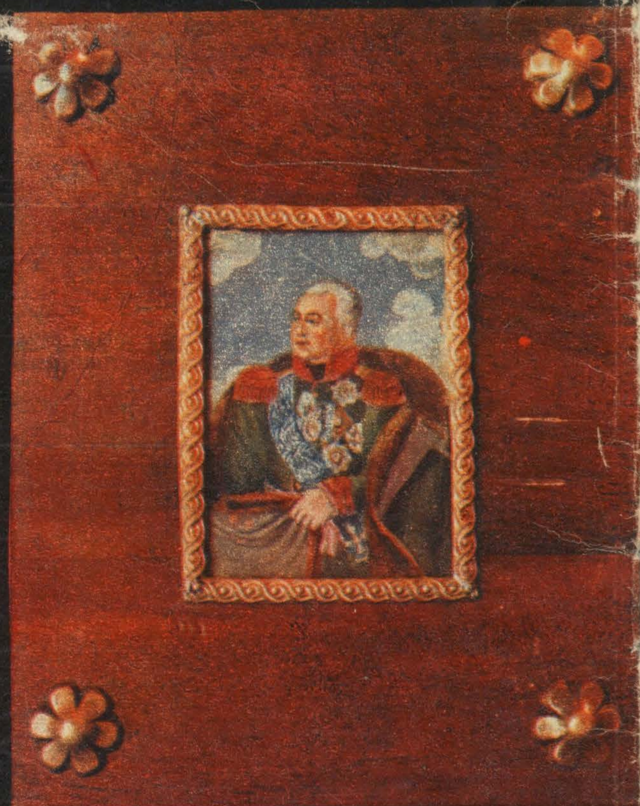

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663